

Эдуард Байков

**ЧУДОВИЩНЫЕ
СНЫ РАЗУМА**

Эдуард Байков

Чудовищные сны разума (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Из неведомого измерения Вселенной в наш мир проникают монстры – персонажи фантастических произведений двух писателей. Друзья понимают, что лишь они, авторы, способны встать на пути инферносуществ, порожденных их собственной фантазией. Исход схватки до последнего момента неясен – кто кого?

Молодой, подающий надежды журналист влюбляется в загадочную красавицу, проживающую с отцом-лесником в лесу близ белорусского города. Ослепленный страстью молодой человек не догадывается, что вокруг уже давно ходит зло, а смерть примеряется, как поточнее ударить своей косой.

Молодой человек постсоветского времени – рекламщик, коллекционер, начинающий писатель, человек творческого склада, глубоко увлеченный познанием себя и окружающего мира. Взлеты и падения, любовь и разочарование – это сама юдоль людская с присущим ей «образом жизни». А еще: сновиденческая реальность, мир снов.

Криминальные разборки преступных бригад, грязные махинации дельцов, серые будни ментов – всё это реальность наших дней. Как помочь близким дорогим людям, если ты – всего лишь навсего бывший опер? Наверное – спустить тормоза и будь что будет.

Всё это – повести, входящие в предлагаемый читателю сборник.

Содержание

Марма	6
1	6
2	15
3	24
4	32
5	40
6	49
7	56
8	64
9	72
10	81
11	90
12	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Эдуард Байков

ЧУДОВИЩНЫЕ СНЫ РАЗУМА

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Марма

повесть

«Быть может, и сегодня не ослаб натиск на наш мир вселенных других измерений. С незапамятных времен чародеи с помощью магии призывали спящих демонов и повелевали ими».

Роберт Говард

Марма (санскр.) – точка соприкосновения духовного и материального.

1

Все началось с того, что этот сумасброд Людвиг высказал как-то на досуге одну мысль – довольно дикую и нелепую с точки зрения здравого смысла. Надо сказать, мой приятель являл собой человека весьма эксцентричного и неординарного. Он тоже писал, но в основном «чернуху», и если его произведения и издавались, время от времени, некоторыми не особо щепетильными издательствами, то всякий раз этими заумными новеллами он приводил своих читателей в неподдельный шок.

Я уже был к тому времени писателем с широко известным

во всем мире именем, около десятка моих романов по праву считались бестселлерами в жанре мистической фантастики. Вот тогда-то на уик-энде, который мы проводили на загородной даче одного из наших общих друзей, Людвиг и поделился своей очередной «чернушной» теорией.

Был тёплый летний вечер, на этот раз компания подобралась на удивление однородная – пятеро писателей, двое литературных издателей и один гламурный журналист. Невероятно, но в противовес своим правилам, Людвиг был совершенно трезв. И он вполне серьезным тоном принялся развивать гипотезу, которую, как я тогда полагал, он придумал сам, откопав ее где-то в своей безумной голове среди прочего хлама сумасшедших мыслей.

– Если принять за основу гипотезу о многомерности пространственно-временного континуума, – излагал он нам свой бред, – то можно предположить, что количество измерений, или слоев вселенной практически безгранично. Возможно, что для каждой космической структуры, будь то планета, звезда или галактика, существует свое, присущее только этому космическому телу число измерений, параллельных миров, количество которых не поддается исчислению. Если так, то все эти измерения, плоскости планет, звезд и галактик должны иметь точки соприкосновения друг с другом, причем из одного измерения можно попасть и в миллиарды других, даже если они относятся к иным звездным и планетным системам.

Он выдержал театральную паузу, во время которой никто так и не пикнул. И продолжил:

– Но все это так, к слову. Моя же теория заключается в том, что у нашей планеты, помимо миллионов разнообразных проекций ее миров, существует такой слой, такое измерение пространства (а возможно и времени), где воплощаются в реальность наши мысленные построения, но не все, а только те, что относятся к образам нашего творчества, в данном случае – литературного. Понимаете, все персонажи наших книг воплощены в реальной действительности. Они там живут и действуют, каждый в присущем только ему мире. Естественно, что для родственных персонажей – будь то люди и нелюди – одинакова и окружающая их среда. Вы только представьте себе – в том измерении существуют все эти мои сумасшедшие, маньяки, извращенцы, и их жертвы, а также чудовища и демоны Ивана, – при этих словах он кивнул в мою сторону.

– Постой, Людвиг, – прервал его один из наших собеседников, – вообще-то нечто подобное я встречал у писателя-мистика Даниила Андреева. Но если принять твою теорию о воплощенных образах нашего творчества, отсюда вполне логичным будет предположить, что жизнь этих образов соответствует описанному в произведении сюжету. То есть, я хочу подчеркнуть, что их реальность ограничивается жесткими рамками композиции романа, поэмы, рассказа. И ограничивается как в пространственном плане, так и во вре-

менном. Если, например, описанный Иваном монстр вначале уничтожил несколько жертв, а затем пал, сраженный рукой героя, то и в том мире это все произойдет точно так же. Разве я не прав?

Терпеливо выслушав его, Людвиг отрицательно покачал головой.

– Нет-нет, все совершенно не так. Однажды созданный образ продолжает вести свою СОБСТВЕННУЮ жизнь, совершенно независимую от дальнейшего повествования произведения поэзии или прозы. В начале образ – это просто мысль, которая, один раз возникнув, тут же вспорхнет и улетит. Вы можете развивать сюжет дальше, но созданная вами мыслеформа художественного персонажа имеет как бы свой дубль, своего двойника в том мире, о котором мы ведем речь. И этот двойник совершенно независимо начинает вести какую-то свою, возможно вовсе непонятную для нас жизнь.

Помнится, в тот вечер еще долго продолжался спор по поводу выдвинутой Людвигом концепции существования мира литературных образов. Но как обычно дискуссии наши заканчивались на шутливой ноте, так и на этот раз, устав от рассуждений, мы подыскали себе занятие поинтереснее забивания головы досужими вымыслами эксцентричного писаки-мистика.

На следующий день, во время нашей утренней прогулки вдвоем вдоль берега озера, Людвиг обратился ко мне, с задумчивым видом устремив свой взор куда-то вдаль. Мне по-

казалось, он был чем-то сильно взволнован, хотя внешне старался не подавать вида.

– Послушай, Иван, из самых близких людей у меня не осталось больше никого за исключением тебя. Ты всегда был для меня намного больше, нежели просто другом, а скорее родным братом. Мы с тобой столько всего повидали, разделяя риск и опасности пополам и столько раз...

Он не договорил, умолкнув на полуслове, словно от волнения у него вдруг перехватило горло. Я с нескрываемым удивлением воззрелся на своего спутника. Что это на него нашло сегодня? Действительно, мы уже более десятка лет являлись закадычными друзьями, всегда помогали друг другу, как в радости, так и в беде. А еще, мы обожали всевозможные приключения и авантюры, посещая самые таинственные места, забираясь в затерянные среди чащобы лесных массивов и нагромождений скалистых вершин уголки природы, разыскивая забытые людьми и скрытые от внешних взоров древние захоронения и святыни загадочных культов. И довольно часто поиски наши венчались успехом. Да, он верно подметил, что и опасности, которым мы подвергались, и кошмары, и все трудности наших экспедиций мы делили поровну. И не раз то я, то он были обязаны друг другу жизнью. Но никогда никто из нас не произносил подобных проникновенных речей. Поэтому я, мягко говоря, сильно недоумевал, продолжая внимательно разглядывать своего друга.

– Я не совсем понимаю, тебя, Людвиг, – подал я голос по-

сле непродолжительного молчания, – к чему все эти громкие слова? И вообще...

– Нет, это не громкие слова! – неожиданно с жаром в голосе перебил он меня. – Все это действительно так. И поэтому только ты способен понять меня, только тебе я могу довериться и открыться в том, что так неотступно занимало меня все последние дни. Тем более что, как я могу пока лишь догадываться, страшное открытие мое касается и тебя лично.

После этих его слов мое удивление очень быстро переросло в беспокойство, а затем и в самую настоящую тревогу. Тревогу за Людвига, за его неуравновешенную психику, за себя и... да, тревогу из-за его последней фразы. Что это за СТРАШНОЕ открытие и почему оно относится к нам обоим? Впрочем, последнее было вполне объяснимо. Ведь как он только что говорил – все беды и напасти мы делили пополам, вот и сейчас я был готов немедленно прийти к нему на помощь. Но чем же он так сильно испуган? Вот! Вот, наконец, то самое слово, что я подыскивал во время всей нашей беседы, пытаясь охарактеризовать душевно-эмоциональное состояние своего приятеля.

– Людвиг, – тихо позвал я его, – чем, или кем ты напуган? Что-то случилось?

Какое-то время он молча смотрел на меня, словно не совсем понимая, кто я такой и о чем тут с ним веду речь, затем кивнул головой и удрученно промолвил:

– Да, случилось. И это может очень плохо кончиться для

нас обоих.

И тут впервые страх кольнул меня своей ледяной иглой.

– Вспомни, Иван, нашу с тобой последнюю экспедицию на Алтай.

– Да, – встрепенулся я, недоброе предчувствие темной тучей накрыло мое сознание, – прекрасно помню. Мы тогда наткнулись на огромную мрачную пещеру, в которой обнаружили полуразрушенный жертвенник.

На мгновение я закрыл глаза, вызывая в зрительной памяти картины прошлого. Почти сразу же мне это удалось. Я вновь увидел вырванные светом фонаря из пещерного мрака зловещие очертания этого древнего капища. Затем я открыл глаза и наткнулся на пугающе напряженный взгляд Людвига.

– Ты не забыл, что мы тогда сделали?

Я утвердительно кивнул ему в ответ и выполнил рукой жест, понятный только нам обоим.

– Да, – кивнул он – мы сдвинули с места алтарь.

– Но ведь ничего необычного не произошло, – поспешил заявить я. – Тем более что мы вернули этот камень на место. Не думаешь же ты, будто мы совершили нечто такое, что... – внезапно я осекся, заметив вспыхнувшее в его глазах выражение безумия.

– Нет! – почти прокричал Людвиг, – Что-то все же произошло! И я сейчас объясню тебе, что собою представляет это что-то.

Теперь я и сам испугался не на шутку, поддавшись мрач-

ному настроению своего друга. Только что я беззаботно радовался ясному, солнечному дню и предвкушал провести еще один, наполненный развлечениями вечер на лоне природы, а сейчас вдруг сердце мое учащенно забилося в груди, во рту появилась неприятная сухость, а меж лопаток пробежала холодная змейка необъяснимого страха перед НЕИЗВЕСТНОЙ опасностью. Какие были причины для тревоги у меня – тридцатилетнего, полного сил и творческих планов, процветающего писателя? Никаких, за исключением не скрываемой уже более боязни моего товарища. И она, эта боязнь моментально передалась от него мне, хотя я еще не знал, чего, или кого мне нужно бояться.

Тем временем Людвиг собрался с мыслями и поведал мне свое ужасное откровение, от которого пробежал по коже озноб. Верил ли я ему в тот момент? Вначале да, а спустя какое-то время, слегка успокоившись, отнесся к его страхам весьма скептически. За что спустя сутки чуть было не заплатился своей недоверчивой головой.

Нужно ли говорить, что все последующее настроение было враз омрачено, и что очередная вечеринка лично для меня прошла далеко не в радость. То же самое можно было сказать и о Людвиге. В то время как наши приятели веселились, один из нас, а именно – ваш покорный слуга, сидел с озабоченным лицом на террасе и курил одну за другой сигареты. Людвиг же методично напивался до тех пор, пока не уткнулся носом в тарелку. Пришлось взять его под руки и отнести к

нему в спальню. Отведенная мне комната находилась с ним по соседству, так что всю ночь напролет я не сомкнул глаз, слушая его пьяный храп и периодические стоны. Но уснуть я не мог не только, да и не столько из-за этого. Меня беспокоили опасения Людвига, которыми он поделился со мной накануне.

Теперь, когда в одиночестве я мог все спокойно обдумать, то уверился в том, что мой друг сильно заблуждается. У Людвига очень неуравновешенная психика, он легко возбуждается и внушаем. Возможно, какое-то не совсем обычное событие подействовало на него таким образом, что у него развился невроз навязчивых состояний. В результате самовнушения, вызвавшего нервное потрясение, у него разыгралось воображение, и весьма впечатлительная натура нарисовала картину необоснованной опасности. Вероятно, все это так и есть на самом деле, если только... если только мой друг не спятил окончательно. Но об этом мне и вовсе не хотелось думать.

2

Уже начали сгущаться сумерки, когда я, распрощавшись с хозяином и оставшимися гостями, уселся за руль своего «Вольво» и отправился в путь. Через час я подъезжал к южной окраине города, в котором прожил тридцать лет и надеялся прожить еще, по крайней мере, лет тридцать. Людвиг покинул нас поутру, сославшись на неотложные дела. На самом же деле ему было ужасно плохо после вчерашней попойки, потому он и стремился как можно скорее попасть к себе домой и отгородиться на время от всего остального мира.

Я механически управлял машиной, проезжая по улицам ночного города, а голова моя была занята совершенно противоположными мыслями. Я думал об опасениях моего друга, которыми он поделился со мной накануне, и которые могло с такой отчетливостью создать лишь его воспаленное воображение. С серьезным выражением лица он поведал мне, что мир литературных персонажей, о котором он рассуждал в первый по приезде вечер, существует на самом деле и что этот мир является самой настоящей реальностью. Мне захотелось немедленно одернуть его и прекратить эти навязанные наркотическим дурманом бредни (я знал, что время от времени он покуривает «травку»), но в его голосе слышалось неподдельное отчаяние, поэтому я лишь молча выслушал продолжение его монолога. Под конец своего рассказа

ему удалось почти убедить меня в правдивости своих слов.

И все же факты, о которых он говорил, выглядели настолько НЕВЕРОЯТНЫМИ, что разум отказывался принять их за истину. По его мнению, которое он отстаивал с убежденностью ярого фанатика, получалось, что во время нашего посещения той памятной культовой пещеры на Алтае мы допустили непростительную и РОКОВУЮ оплошность. А именно – сдвинув с места каменный алтарь с высеченным на его поверхности изображением некоего крылатого существа, мы, тем самым, совершили особое магическое действие, в результате которого на время был открыт внепространственный тоннель, соединяющий два слоя бытия – наш «земной» слой и один из параллельных нашему миру слоев. И этот самый слой являлся ни чем иным, как миром воплощенных литературных образов.

Помнится, на тщательный осмотр алтаря мы потратили около получаса, а затем водрузили его на прежнее место. И вот как раз за этот промежуток времени, как утверждал Людвиг, сюда в наш мир проникли существа-персонажи. А так как действие это совершили мы с ним оба, то естественно и существами этими были наши с ним персонажи. Сколько их успело проскочить – этого Людвиг не знал. Предупреждая мое возражение на то, что никаких существ мы там не видели, он высказал очень остроумную, с его точки зрения, догадку.

Дело в том, что тоннель, связующий различные миры, не

обязательно имел своим выходом точку пространства, где размещался алтарь и эта чертова зловещая пещера. Существа эти могли появиться где угодно, возможно даже возле места, где они впервые были созданы мысленным воображением творца, автора этих персонажей.

Да, Людвиг ловко подтасовал все факты. Но был еще один каверзный вопрос, разбивающий его ментальные галлюцинации в пух и прах. И я его не преминул задать.

– Все это хорошо, Людвиг, – стараясь не повышать голоса, обратился я к нему, – но где же твое главное доказательство, где эти существа? Покажи мне их, я хочу быть уверенным в правильности твоих опасений на все сто процентов. Людвиг, признайся, ведь ты сам даже не видел ни разу этих существ?!

Какое-то время он молча стоял, бесцельно вертя в руках сорванный стебель камыша и старательно избегая моего настойчивого взгляда, затем поднял глаза и посмотрел на меня в упор.

– В том-то и дело, – тихо молвил он, – в том-то все и дело, что я сам своими собственными глазами видел двоих персонажей моих произведений. И намерения у них, Ваня, были явно НЕДОБРЫЕ!

Я пытался прочесть в его взгляде хотя б один крохотный намек на ложь, шутку или издевательство, но тщетно. Либо он действительно излагал передо мной правду, либо он все же сдвинулся на нервной почве и теперь сам уверился в том, что придумало его разыгравшееся воображение.

В тот день к этой теме мы уже больше не возвращались, а наутро он собрался и уехал. И вот, сейчас я подъезжал к своему дому и гадал, что же мне предпринять? То ли найти и порекомендовать Людвигу хорошего психоаналитика, то ли... поверить в эту собачью чушь. Но в последнем случае это означало, что все людские страхи и ночные кошмары такая же реальность, как и мы сами. И еще это наталкивало на мысль о том, как **УЖАСНО ГРАНДИОЗНО УСТРОЕН МИР**, и о чем только думал Устроитель, да и был ли Он вообще?

Не желая больше ни о чем думать, я переключил все внимание на дорогу и вскоре уже сворачивал на подъездную дорожку, ведущую к моему особняку. Подумать только, я всю свою сознательную жизнь мечтал о таком вот доме, своем собственном, принадлежащем только мне. И когда сразу три моих романа подряд стали бестселлерами, да еще были экранизированы, вот тогда мечта моя воплотилась в реальность, я смог заказать на свои средства строительство отдельного для себя жилища, причем в одном из престижных районов города. Ранее я думал лишь о небольшом, но достаточно просторном и светлом коттедже, но это был настоящий особняк, какие можно увидеть только во сне или в фильмах о жизни элиты. Точно такой же принадлежал и Людвигу. Странно, но факт: его горячечно бредовые произведения приносили стабильный и весьма приличный доход. Так что и Людвиг мог себе позволить некоторую роскошь.

Поставив машину в гараж, я направился к дому. Оба этажа были погружены во мрак, отчего дом казался слепым и глухонемым. В саду все стихло, лишь теплый летний ветерок шелестел листвой деревьев и кустарником, за которыми я предпочитал ухаживать сам, не нанимая садовника. Каждодневная возня в саду доставляла мне подлинное удовольствие. Именно здесь, в тени палисадника приходили в голову многие сюжеты моих творений.

На этот раз мне показалось, что дом с садом затаились, поджидая меня, словно стараясь предупредить своего хозяина о чем-то очень важном и... ОПАСНОМ (О, Господи? Что за мысли?!), но не в силах этого сделать, так как не обладают нужными органами общения с живыми людьми. А с мертвыми – с ними могут общаться дома и деревья? Наверное, да. И еще с экстрасенсами, людьми, обладающими сверхчувственным восприятием и необычными способностями.

Почему, когда я подходил к двери, в тот момент в моем сознании возникли подобные мысли? Вероятно потому, что рассудок на время прекратил свою деятельность, отойдя в сторону, а вместо него включилось подсознание. Сколько раз за свою жизнь я подмечал, что мое предчувствие никогда не обманывало меня. Так и на этот раз я почувствовал что-то неладное, но не придавал этому особого значения. Если бы я прислушался к зову своей интуиции, то возможно в моей темной, густой шевелюре было бы меньше седых волос. Как бы то ни было, но как говорится, от судьбы не уйдешь. Вот

и я вслепую двинулся навстречу своему РОКУ.

Я успел войти внутрь дома и закрыть за собой дверь, когда эта тварь набросилась на меня в темноте. Как в ночном кошмаре, где все действия неправдоподобно замедлены, я увидел перед собой горящие во тьме глаза, а затем почувствовал, как в мое плечо впились острые клыки, а по щеке чиркнули чьи-то загнутые когти. Вскрикнув от боли, я в ужасе отпрянул назад и, споткнувшись обо что-то, грохнулся навзничь. То, что накинuloсь на меня, отлетело в сторону. В лунном свете я сумел разглядеть сторбленный силуэт какого-то средних размеров животного.

«Собака, – мелькнула у меня мысль, – взбесившийся пес!» Если б я тогда знал, что за существо напало на меня в моем собственном доме, то, наверняка, со мной тотчас же произошло бы обширный инфаркт, возможно даже с летальным исходом. Сердце мое в последнее время начало что-то пошаливать (и это в тридцать-то лет!). Но в тот не совсем реальный для меня момент я решил, что это должно быть большая бешенством псина, невесть каким образом попавшая внутрь дома.

Вот именно, ведь двери обоих входов – парадного и черного – были заперты, я сам проверил их перед отъездом. Окна первого этажа расположены слишком высоко – никакое животное до них не доберется. Впрочем, все окна были тоже закрыты. Но тогда я об этом не думал, мне было совсем не до отвлеченных рассуждений. Во мне говорил, а точнее вопил,

лишь могучий и неистребимый инстинкт самосохранения. И этот инстинкт подсказывал мне, что я должен защищаться и даже попытаться убить бессловесную тварь, так как в противном случае она сама меня прикончит.

Едва я успел вскочить на ноги, как враг вновь бросился в атаку, прыгнув мне на грудь и пытаясь разорвать горло. Однако выполнить это ему не удалось, потому что я встретил его добрым ударом. Тварь отлетела назад, тем не менее, сила прыжка была такова, что я не удержался и опять повалился на пол. Самым ужасным во всей этой ситуации было то, что зверь нападал в полном молчании. Что-то не припомню я, чтобы, нападая, собака не издавала хоть какие-нибудь звуки – рычание или лай.

Неожиданно моя рука наткнулась на неизвестно как повисшую в прихожую кочергу (обычно она покоилась возле камина). Схватив импровизированное оружие, я принялся в темноте яростно молотить им своего врага, который успел все так же бесшумно подлететь ко мне, с целью вонзить свои жуткие клыки в мою беззащитную шею.

В каком-то бешеном боевом упоении я наносил удары до тех пор, пока не убедился, что зверь мертв. Лишь после этого я отбросил кочергу прочь и трясущимися от пережитого кошмара руками принялся шарить по стене, в поисках выключателя. Наконец, раздался щелчок, и под потолком вспыхнула люстра, осветившая холл ярким, спасительным светом.

Я был настолько деморализован произошедшим событием, что с минуту просто стоял, привалившись правым, не раненым плечом к стене и закрыв глаза, отключившись на время от всех мыслей и чувств, которые вот-вот должны были нахлынуть на мое потрясенное сознание. Затем я открыл глаза и посмотрел в сторону поверженного врага, надеясь увидеть бездыханное тело дворняги. После чего зрачки мои закатились под лоб и, потеряв сознание, я рухнул без чувств.

Не знаю, сколько времени я провалился в беспамятстве, но когда очнулся, то увидел перед собой соблазнительно обнаженную грудь красотки, призывно улыбающейся с настенного фотокалендаря. Тотчас же я с легкостью вспомнил, чем был вызван мой обморок. Я с трудом поднялся на ноги и не без содрогания глянул на валяющийся передо мной труп животного, а точнее – чудовища, монстра, демона в плоти.

У этого существа было тело уменьшенного в размерах орангутанга, словно броней, покрытое чрезвычайно прочной, блестящей чешуей. А еще у него была голова нетопыря, клюв коршуна, клыки матерого волка и когти рыси. Я сразу же узнал этот невообразимый гибрид хищных созданий, это мерзкое страшилище. Лежащая перед моим взором тварь была болотным вампиром, одним из персонажей МОИХ фэнтези-романов.

Внезапно, к своему ужасу я заметил, что одно из перепончатых век твари подергивается. Монстр был все еще жив. Я вновь ухватился было за кочергу, когда вдруг по искале-

ченной туше врага прошла волна предсмертных конвульсий и, пару раз сильно дернувшись всем телом, он окончательно затих. Наконец-то, я смог перевести дух, но не тут-то было. Неожиданно началось нечто, не поддающееся разумному объяснению. Прямо на моих глазах чудовище вдруг принялось постепенно исчезать, растворяться в воздухе, рассеиваясь на мельчайшие частицы. Несколько мгновений спустя от болотного вампира не осталось и следа.

Не в силах поверить в увиденное, я застыл на месте, пораженный невероятной картиной полнейшей дезинтеграции твари. Так я и простоял какое-то время, тупо пялясь в то место, где только что лежал труп фантастического хищника, пока меня не вывел из оцепенения телефонный звонок. Снимая дрожащими руками трубку, я мог только гадать о том, кто это решился позвонить мне в столь позднее время. У меня отлегло от сердца, когда я услышал взволнованный голос Людвига. Он интересовался, все ли у меня в порядке. Да, подумалось мне, у меня сейчас ВСЕ было НЕ в порядке.

– Я сейчас приеду к тебе, – замороженным тоном произнес я и, не дожидаясь ответа, повесил трубку.

Оставив в холле на первом этаже включенным освещение, я запер дверь, вывел из гаража машину и, наплевав на дорожную инспекцию, с бешеной скоростью помчался на другой конец города, где размещался особняк моего друга.

3

– Значит, эта тварь за несколько секунд исчезла совсем без следа, так сказать, аннигилировала?

Я угрюмо кивнул в ответ и, затушив сигарету, закурил новую.

Немного помолчав, он торжествующе посмотрел на меня:

– Ну, теперь-то ты мне веришь? После того, что с тобой произошло, а, Иван?

– Я верю лишь в то, что мне удалось пережить самому. Но я действительно видел перед собой реальную тварь, и это действительно был болотный вампир из моего «Олдонского цикла». И еще я видел, как эта тварь прямо на моих глазах распалась на атомы, после того, как отдала концы. С точки зрения здравого смысла все, что случилось со мной, является шизо-параноидным бредом свихнувшегося ума, но ведь я пока что еще...

– Хватит, Иван! – недовольно морщась, перебил он меня. – Сейчас ты еще скажешь, что это были галлюцинации?!

– Возможно, – спокойно ответил я.

– А это? – он указал на мое перебинтованное плечо и заклеенную лейкопластырем щеку. – Это, по-твоему, ТОЖЕ галлюцинации?! Или быть может, ты сам себя искусал и расцарапал?

Неожиданно меня охватила злость.

– Ладно, черт с тобой! Но тогда, пожалуй, все это может быть объяснено лишь с позиций твоего нелепого предположения.

– Это не предположение, – он устало пожал плечами, – а факт.

После этих его слов наступило тягостное молчание, никто из нас не решался нарушить его первым. Наконец, я нарочито громко откашлялся и, подойдя к окну, небрежно бросил через плечо, старательно отводя взгляд в сторону:

– Ну и что ты намериваешься предпринять?

– Если это наши персонажи, то с ними можно бороться, – многозначительно подчеркнув каждое слово, ответил он мне. Впрочем, особого энтузиазма в его голосе я что-то не расслышал.

Внезапно, словно очнувшись от тяжелых мыслей, мой друг вскочил с места и быстрым шагом вышел из комнаты. Когда он вернулся, в руках у него я заметил какой-то темный, продолговатый предмет. Протянув его мне, Людвиг самодовольно усмехнулся:

– Это газовый пистолет, с ним я буду чувствовать себя в большей безопасности, чем, если бы оставался полностью безоружным. Не знаю, как для твоих монстров, но от моих персонажей это весьма действенная защита, ведь большинство из них все-таки ЛЮДИ.

Заметив мой подозрительный взгляд, он успокаивающе махнул рукой:

– Не беспокойся, у меня есть разрешение на эту «игрушку». Тебе следовало бы тоже приобрести себе такой, – он подбросил пистолет в ладони, – на всякий случай.

Я подумал, что, судя по слухам, все это газовое оружие нервно-паралитического и слезоточивого действия оказывается в действительности не очень-то эффективным при самозащите, но вслух ничего об этом Людвигу не сказал. Нам и так уже достаточно хватало неуверенности и страха. Вместо этого я спросил:

– Послушай, а что там насчет места рождения этих тварей?

– Ну, я полагаю, впрочем, сейчас я более чем уверен в этом, что персонажи просачиваются в наш мир в том месте, где были впервые созданы как замыслы автора. Там они, так сказать, материализуются, проникая из мира воплощенных образов. А что, у тебя есть другие идеи?

В ответ я лишь покачал головой:

– Большинство персонажей я придумал возле своего дома, в саду. Конечно, за исключением моих трех первых романов, которые я создал еще в той квартире, возле университета, помнишь?

Он утвердительно кивнул в ответ.

– А я придумывал их везде, даже в мою бытность студента – в университетской уборной. Разумеется, большую часть последних я создал здесь. Да, впрочем, это не имеет особого значения. Что для нас сейчас важно, так это узнать, сколько

этих порождений ума проникло сюда.

Внезапно меня осенило:

– Слушай, это могут сделать специалисты по ясновидению!

– И где же мы их возьмем? – тон его был весьма скептическим. – Может, обратимся к этим шарлатанам-экстрасенсам?

– При чем тут шарлатаны, ты что, забыл приятель? А дед Аполлинарий, по-твоему, кто?

При этих словах он встрепенулся, в глазах появился живой интерес.

– Ч-черт, а ведь верно, я и забыл совсем о старом колдуне! Если кто и сможет нам помочь, то вероятно только он. Завтра же отправимся к нему. Думаю, нам он не откажет.

Я тоже так думал. Старик Аполлинарий был сведущ в оккультных науках и был, так сказать, местным шаманом-телепатом. Мы с Людвигом были знакомы с ним постольку, поскольку писали на мистическую тему, а, значит, поддерживали самые дружеские контакты со всевозможными практиками этой области человеческих знаний и опыта. Но большинство-то из них действительно, как это верно подметил Людвиг, являлись бездарностями и шарлатанами, научившими дурачить людей разнообразными фокусами и трюками. Чего нельзя было сказать о старике Аполлинарии, к нему это не относилось ни в коей мере.

Ну вот, теперь, когда нам удалось отыскать хоть какую-то

действенную зацепку в этом нагромождении невероятных опасностей и безумных страхов, можно было более спокойно обсудить ближайшую для нас перспективу на будущее и определить все наши шансы. Чем мы и занялись до тех пор, пока сон окончательно не сморил нас обоих.

На следующий день я проснулся разбитым, так и не сумев, как следует, отдохнуть. Несколько часов беспокойного сна не принесли мне особого облегчения. Несмотря на это, я все же не чувствовал себя таким беспомощным, как вчера после схватки с фантастической тварью. Людвиг, так тот вообще всем своим видом излучал энергию и бодрость. Хотя, впрочем... он пробудился раньше меня, и я не был уверен, что он не покурил опять этой своей пакости.

Плотно позавтракав, мы первым делом отправились к нашему приятелю шаману. Старик Аполлинарий жил на последнем этаже старого пятиэтажного дома. С бьющимся от волнения и быстрого подъема сердцем я надавил кнопку звонка.

– Только бы он был дома, – тяжело отдуваясь, прошептал мой друг.

Однако за дверью стояла тишина. Я позвонил еще раз, потом еще. Нетерпеливый Людвиг принялся стучать в дверь. В ответ все так же, ни звука.

– Вот дерьмо! – с досадой воскликнул мой спутник, продолжая колотить в дверь кулаком. – Куда он мог запропасться, этот колдун-магрибинец?!

В этот момент со скрипом отворилась дверь напротив. Из-за нее выглянула пожилая женщина с каким-то недовольным выражением морщинистого лица.

– Если вы к деду Аполлинарию – прокаркала она нам, – то зря ломитесь, его нет.

– А где же он?

– Да, Бог его знает, куда-то умотал несколько дней тому назад. Собрал свой рюкзачок и отправился. Опять, наверное, в поход за колдовскими травами, – она хрипло рассмеялась и с шумом захлопнула дверь, оставив нас одних на пустынной лестничной площадке.

– Хорошенькое дельце, – присвистнул Людвиг, – неизвестно, когда он теперь вернется. Возможно, что через месяц, а нам все это время остается только ждать и гадать, откуда можно ожидать очередного удара и от КОГО ожидать.

Неожиданно я вспомнил наш самый первый разговор на эту тему возле озера, мне он сейчас показался таким давним, словно с тех пор прошла целая вечность, а ведь минуло всего лишь два дня.

– Людвиг, – обратился я к нему, – но ведь ты говорил, что узнал двоих...

– Да, я их видел, сначала одного, потом другого.

– Расскажи мне, что они из себя представляют.

В этот момент мы вышли из подъезда и направились к моему «Вольво».

– Я как раз собирался это сделать, – кивнул он в ответ.

Мы сели в машину и покатали по направлению к моему дому. По дороге Людвиг начал рассказывать, кто такие эти двое персонажей и при каких обстоятельствах он встретился с ними.

Первый из них был молодой, симпатичный офицер налоговой полиции. Он был скрытым сексуальным маньяком и извращенцем, представляя, таким образом, собой тип полицейского-оборотня. Он насиловал исключительно молодых, привлекательных женщин и девушек, причем в извращенной форме, а затем душил их, трупы же закапывал неподалеку в лесу, где он раз за разом проделывал свои дьявольские преступления. У этого подонка была поразительная особенность – после совершения убийства он складывал пальцы правой руки жертвы в кукиш: мол, вот вам, все равно не поймаете.

– Триллер об этом придурке, – оживленно жестикулируя, рассказывал Людвиг, – я нацарапал, когда у меня еще не было ни своего дома, ни даже собственной квартиры. Я тогда полгода жил у одной своей приятельницы, да ты и сам помнишь.

Я согласно кивнул головой, продолжая следить за дорогой.

– Ну так вот, потом вышла эта книга, на полученный от нее гонорар мне удалось снять квартиру, и вскоре после этого мы с моей подружкой расстались. С тех пор прошло уже более пяти лет, мы ни разу так и не виделись. А с неделю

назад случайно встретились, когда я делал покупки в супермаркете. Знаешь, несмотря на прошедшие годы, она все такая же хорошенькая и соблазнительная. Одним словом, после милой беседы я принял ее приглашение в гости, и мы отправились к ней. Оказалось, что она все еще не замужем и... в общем, мы прекрасно провели время вдвоем. Уходил я от нее уже под вечер. Вот тут-то мне и подвернулся этот урод. Я уже подошел почти вплотную к своей машине, когда заметил неподалеку темнеющую в сумраке фигуру в форме. Не знаю, почему меня так привлек этот незнакомый «мент», но когда я повернулся в его сторону и сумел разглядеть получше, то... ты не представляешь, Ваня, меня словно громом поразило – это был мой персонаж, от головы до кончиков пальцев придуманный мной. Кажется, от изумления я тогда остолбенел на месте. Чертов маньяк, казалось, не обращал на меня никакого внимания. Спустя мгновение, он сделал шаг в сторону и растворился в темноте. С тех пор я больше не встречал уroda, но знаю, как можно его найти.

Слушая взволнованную речь своего друга, я непроизвольно напрягся и вцепился руками в руль так, что мои пальцы побелели.

– Ну, а второй? – глухо спросил я, когда мы уже подъезжали к металлической ограде моего участка.

– А второй, – задумчиво пробормотал Людвиг, затем махнул рукой, – расскажу в доме.

Мы с удобством расположились в моей гостиной на втором этаже, в полном молчании потягивая холодное пиво. Здесь было достаточно уютно и комфортно, чтобы расслабиться и не загоняться понапрасну. При виде привычной обстановки на душе становилось спокойнее и начинало казаться, что нет таких проблем, которые нельзя было бы решить в два счета. Сквозь распахнутое в сад окно летний ветерок доносил до нас благоухания моих зеленых питомцев. Слегка ударивший в голову пивной хмель приятно убаюкивал уставшее от обилия треволнений сознание. Ощущение было такое, будто ничего и не произошло, и жизнь шла своим обычным размеренным чередом. Но, к сожалению, это было не так, просто меня охватило чувство временной безопасности. И чувство это было ложным.

Страхнув оцепенение, я допил свое пиво и с решимостью в голосе обратился к Людвигу:

– Так, что там насчет второго персонажа?

Какое-то время он молчал, по всей вероятности погрузившись в свои воспоминания, и мне уже начало казаться, что Людвиг забыл и о моем вопросе, и вообще о моем присутствии, когда он, наконец, подал голос.

– Этот тип – фигура еще более зловещая и мерзкая, нежели полицейский-оборотень. Он тоже маньяк-убийца, свих-

нувшийся на психосексуальной почве. Впрочем, мне незачем все это тебе растолковывать, ведь ты – большой любитель Фрейда и его последователей. Однако этот ублюдок никого не насиловал и даже не предавался извращениям. Нет, он просто убивал, причем кого угодно – детей, стариков, мужчин и женщин – различий в возрасте и поле для него не существовало. Он заклеивал рот жертве скотчем, им же стягивал руки и ноги, а затем... затем он разделявал свою жертву, словно мясник на бойне, вырезая внутренности и отрезая от нее постепенно различные части тела. Одним словом, он расчленил и потрошил еще живых людей. Этот маньяк, как ты уже наверняка догадался, был очередным Джеком Потрошителем.

Немного помолчав, он добавил:

– И увидел его я поздно вечером у себя в палисаднике, где он притаился в кустах. Не успел я и глазом моргнуть, как он тут же скрылся. Вот и все касательно второго персонажа.

Слишком потрясенный для того, чтобы хоть как-то прокомментировать рассказ Людвигу, я лишь молча покачал головой. Господь Всевышний, ну и напридумали же мы с ним чудовищ! Я – чудовищ безмозглых, а он, что еще страшнее, чудовищ, обладающих РАЗУМОМ и выглядевших внешне как обычные люди.

Я потянулся за сигаретой. Надо сказать, что вообще-то я никогда не был заядлым курильщиком и мог не вспоминать о сигаретах целый месяц, а то и более. Но будучи в сильном

волнении, курил одну за другой до тех пор, пока не чувствовал отвращение.

– Ужас, правда? – мой друг виновато улыбнулся.

– Ужас, – подтвердил я, сохраняя серьезный вид, – и знаешь, Людвиг, я рад тому факту, что никогда не читал твои произведения.

Он было вскинул голову, в глазах его мелькнула обида, затем обречено махнул рукой.

– В общем, ты прав, хотя и сам далеко не сахар со своими монстрами.

– Мы оба хороши, на этом и закончим. Достаточно самобичеваний. Теперь, когда нам стало известно хотя бы о двух твоих уродах, необходимо срочно их разыскать и каким-то образом уничтожить.

– Как я уже говорил, где разыскать одного из них – я знаю. А вот, что касается Потрошителя, тут дело посложнее. Он может прятаться, где угодно.

– Ну и черт с ним, давай вначале покончим с другим, – я сказал это таким тоном, словно сам всю свою жизнь только тем и занимался, что лишал людей жизни, как какой-нибудь заправский киллер.

Да, как быстро мы входим в роли, играть которые нас ЗАСТАВЛЯЮТ обстоятельства. А может за всем этим стоит чья-то могущественная и злая воля? Равного по силе могущества и злобы разумного существа, кроме как Сатаны я и не знаю. Не иначе, как сам дьявол решил поразвлечься, зате-

яв жестокою игру с двумя беспомощными писаками (но это же АБСУРД!!! Беги от этих нелепых мыслей!).

– Точно, – подтвердил Людвиг, – разделаемся с одним, а потом примемся за второго. У тебя в доме есть какое-нибудь холодное оружие, посерьезней кухонных ножей и вилок?

– Не помню, – я пожал плечами, – пойду, погляжу на кухне и в чулане.

Я отправился на поиски, непрестанно думая о монстрах, Князе Тьмы, о насилии и холодном оружии – таком, чтобы им можно было снести голову с плеч. Топор, например, или шашка, или богатырский меч, или...

– Вспомнил! – прокричал я наверх, Людвигу, – вспомнил, у меня есть огромный тесак, наподобие индейского мачете. Сейчас я его принесу, он хранится в сарае.

Рядом с домом у меня располагалась небольшая пристройка, представляющая собой подсобное помещение. Из него я сделал сарайчик, в котором хранил всякую всячину – как нужные, так и совершенно бесполезные вещи. Имелся в нем и шкаф с инструментами, вот в нем-то и должно было находиться это самое «холодное оружие».

Обойдя здание, я подошел к дощатой двери и вставил в скважину ключ. От толчка дверь слегка подалась назад. Странно, неужели она оставалась незапертой? Обычно я всегда соблюдал аккуратность в таких вещах. Впрочем, в связи с последними сумасшедшими событиями я не мог ничего утверждать категорично. Возможно, что я так и не запер са-

рай на замок перед отъездом за город.

Толкнув дверь, я вошел в темную прохладу подсобки. Пощелкал выключателем и убедился, что освещение не работает. Наверное, лампочка перегорела, нужно будет заметить. По проходу меж нагромождений всевозможного хлама я двинулся в правый дальний угол, где находился шкаф, а в нем – нужный мне предмет.

Тесак оказался на месте и выглядел не просто внушительным, но и достаточно острым. Я ведь сам его наточил недавно, вспомнилось мне. Этим тесаком я пользовался при разделке мяса, заменяя им обычный в таких случаях топор. С оружием в руках я почувствовал себя уверенней.

Не теряя времени даром, я направился к выходу, когда необъяснимое предчувствие близкой опасности вдруг пронзило меня. От неожиданности я даже вздрогнул и застыл возле дверного проема. Что за тревога посетила меня сейчас, здесь? Затаив дыхание, я старательно вслушивался в любые звуки. Вот пчела пролетела мимо сарая, вот раздался трепет крылышек какой-то пичужки, а вот ветер зашелестел листвою садовых деревьев. Но здесь, внутри сарая, воцарилась полнейшая тишина, оглушающая слух. И можно было подумать, что мир вокруг замер, уснул крепким сном, если бы не разнообразные звуки, раздающиеся снаружи.

Внезапно мне почудился какой-то шорох, доносившийся из глубины сарая, со стороны, противоположной той, где я только что побывал. Спустя мгновение шорох повторился.

«Неужели мышь?» – мелькнула у меня мысль. Перехватив поудобнее тесак, я нерешительно двинулся в направлении странного звука.

В этой части сарая у меня были сложены ящики. Один из них, самый большой, накрытый сверху крышкой, издали был похож на гроб и имел точно такие же размеры. От этого мрачного сравнения присутствие духа во мне поубавилось еще больше, а тревожное предчувствие усилилось. Куда подевалась вся моя хваленая смелость и рассудительность?! Сейчас я напоминал самому себе подростка, крадущегося по пустынному, полному приведений замку, у которого от страха намокли штанишки. Представив себе эту картину, я не удержался и громко расхохотался. Долой все эти детские страхи, а не то я в действительности с перепуга наделаю себе в штаны!

Я решительно шагнул к ящику и сдернул с него крышку. Представшее моим, привыкшим к полутьме глазам зрелище не просто ошеломило меня, оно повергло в неопиcуемый ужас. Ящик не был пуст, потому что в нем покоился, сложив руки на груди, человек, нет, не человек, а какой-то монстр. Вид у него был настолько отвратительный и жуткий, что я едва не грохнулся в обморок. Издав горлом булькающий звук, я отпрянул назад. Крышка с грохотом захлопнулась. Не в силах более сдерживать охватившую меня панику, я пулей вылетел из сарая и с воплями ужаса бросился к дому.

За углом я лицом к лицу столкнулся с перепуганным не

на шутку моими громкими криками Людвигом. В руках он сжимал ту самую, памятную для меня кочергу.

– Что СЛУЧИЛОСЬ?! – схватив за плечи, прокричал он мне прямо в лицо.

Это вернуло меня к действительности. Какое-то время я попытался отдышаться, затем увлек его за собой. С импровизированным оружием в руках, крадучись, мы вошли в сарай – ни дать, ни взять двое разбойников с большой дороги. Я подвел его к ящику, указав рукой. Он с опаской приподнял крышку, заглянул внутрь и... резко отпрянул, совсем как я минуту назад. Я отчетливо видел в полумраке его побелевшее лицо. Ему тоже сделалось дурно.

– Что ЭТО?! – прошептал пораженный Людвиг.

– Это... это упырь, – с трудом ворочая языком, отвечал я, – из моего романа «Ночные хищники».

С минуту мы стояли так, уставившись друг на друга. Людвиг опомнился первым.

– Скорее, – взволнованным шепотом обратился он ко мне, – вспомни, чем его можно убить?

– Бог ты мой! Да как обычно уничтожают вурдалаков – нужно вытащить его на солнечный свет и пронзить грудь осиновым колом.

– Пронзить сердце?

– Нет-нет, не совсем сердце, а именно центр груди, где располагается срединная чакра – энергетический узел, связывающий астральный мир с нашим.

– Осина?! – вскричал Людвиг.

– Постой, в моем саду, в западной части растет осина....

– Слава Богу! – воскликнул он.

Воспользовавшись моим тесаком, мы не мешкая, срубили толстый сук и наспех вырезали из него кол. Затем выволокли ящик наружу и выставили его на ярко освещенное солнцем место.

– Ты открывай крышку, – хриплым от волнения голосом обратился я к Людвигу, – а я всажу ему кол в грудь.

– Ладно, только...

О чем хотел поведать мне далее Людвиг, я так и не узнал, потому что внезапно крышка отлетела в сторону и из ящика показалась мертвенно-бледная, с зеленоватым отливом рука. В ту же секунду раздалось яростное шипение, но я набрался решимости и подался вперед, замахнувшись колом. Глаза вампира были открыты и светились каким-то призрачным, нереальным огнем. Тело его корчилося так, словно попало на раскаленную сковороду. «Господи, помоги нам», – успел подумать я и, что было силы, вонзил кол точно в центр его груди.

Пронзительный вой оглушил нас, вампир принялся извиваться, но я лишь сильнее надавил на верхний конец своего оружия. Опомнившись, Людвиг кинулся мне на помощь. Еще немного подергавшись, монстр затих. Затем он начал распадаться и вскоре исчез. Лишь осиновый кол торчал из ящика, воткнувшись своим острием меж досок на дне.

Потребовалось не менее часа для того, чтобы к нам возвратились силы – душевные и физические, которые покинули нас вслед за исчезнувшим чудовищным порождением фантазии. И ведь, не чьей-нибудь, а именно моей буйной фантазии писателя-мистика.

– Ну вот, дружище, – устало пробормотал Людвиг, – еще с одной тварью покончено.

С тоскливым выражением лица я посмотрел в его сторону и не смог удержаться от печальной улыбки, заметив покоящиеся на полу возле его кресла увесистую кочергу и мой угрожающего вида тесак. Неужели нам теперь вот так и придется жить – в состоянии постоянной настороженности перед угрозой непредвиденных нападений неизвестных врагов? Жить в атмосфере страхов и каждодневных опасений за свою судьбу и жизнь. Да еще терзаться сомнениями по поводу безопасности других людей. А вдруг эти твари уже напали на кого-нибудь и покалечили, а то и убили посторонних людей, которые никоим образом не касались наших личных проблем? Действительно, это было НАШЕ общее с Людвигом дело и только наше. И никто иной, кроме нас был обязан довести его до конца. Это были НАШИ порождения и только нам за них отвечать. Совсем как у Гоголя: «Я тебя породил, я тебя и убью».

– Не знаю, – неожиданно подал голос Людвиг, – успел ли этот «мент» кого-нибудь отправить на тот свет, но нам необходимо срочно его обезвредить. Честно говоря, я боюсь даже предположить, ЧТО могут натворить здесь мои детища за то время, пока они разгуливают по городу.

– Может быть, они вообще уже давным-давно смылись из нашего города?

– Не думаю. Они должны действовать в пределах той местности, того населенного пункта, где были созданы.

– Хвала Всевышнему, – проворчал я, – что мы не писали свое дерьмо в других местах.

– Уж это точно, – поспешил согласиться со мной Людвиг.

– Ну, ладно, – спустя минуту добавил он, – что ты намереваешься предпринять теперь?

– Пойду, приму душ, – буркнул я в ответ.

Я чувствовал настойчивую потребность, как следует, освежиться.

Выйдя из ванной комнаты, я действительно почувствовал себя намного бодрее. Людвиг все так же восседал в кресле в прежней позе. Можно было подумать, что пока я отсутствовал, он ни разу не пошевелился.

– Ну?! – громко произнес я.

– Что – ну? – мой вопрос вывел его из состояния глубокой задумчивости.

– Не будем терять времени даром. Рассказывай, как нам отыскать твоего маньяка в полицейской форме.

Опустив ненужные подробности, он выложил передо мной все, что знал об этом ублюдке. А знал он о нем действительно ВСЕ, ведь это был его персонаж, этот мерзкий фантом, ставший реальностью здесь, на Земле. Оказывается, свои жертвы он находил в аэропорту среди одиноких приезжих женщин. Заметив никем не встречаемую симпатичную девушку или молодую женщину, он подходил к ней, завязывал знакомство и услужливо предлагал подвезти в город. Пользуясь своей открытой, привлекательной внешностью и, в особенности, служебным положением и формой стража порядка, он почти всегда добивался взаимного доверия со стороны ничего не подозревающей жертвы. Затем, на полпути к городу он под тем или иным предлогом внезапно сворачивал в лес и, отъехав на приличное расстояние от шоссе, совершал свое черное дело. Трупы он обычно отвозил и закапывал в разных местах.

Я недовольно поморщился:

– И что же, нам придется торчать в аэропорту весь день, пока он там не появится?

– Вовсе нет, – отрицательно качнул головой Людвиг, – по сюжету он должен ушиваться там с четырех до семи часов пополудни. Так что, – он бросил взгляд на часы, – если мы поспешим, то как раз успеем прибыть на место к четырем.

– Ладно, а чем мы его?..

– Вначале вырубим его с помощью газового... Послушай, а где мой газовый пистолет?!

Я обескуражено развел руками. Откуда мне было знать, где его пистолет.

– Ну, я и остолоп! – в досаде он хлопнул себя по лбу, – я же оставил его вместе с пиджаком в машине!

– Держи, – я кинул ему ключ от машины, – твоя беспечность меня доконает.

Через пару минут он возвратился, уже облаченный в свой пиджак.

– Теперь все в порядке, – с довольным видом похлопал себя по поясу.

– Почему ты держишь оружие в кармане? Удобнее ведь носить его в наплечной кобуре.

– А-а... – он махнул рукой, – сойдет и так на первое время.

Итак, план Людвиг был прост. Если нам удастся выследить этого типа, мы поедem за ним следом, затем парализуем его и... уничтожим (Е-мое, как все это мерзко и отвратительно!). А для того, чтобы жертва насильника не запомнила нас в лицо, мы прихватили с собой маски, закрывающие половину лица. Для этого пришлось заехать по пути домой к Людвигу, так как я таким, с позволения сказать, барахлом не располагал. Вскоре мы уже подъезжали к единственному в таком большом городе аэропорту.

После того, как припарковали машину, мы с Людвигом направились к внушительному зданию зала ожиданий. Внутри мы словно окунулись в бешеный водоворот. Кажется, Людвиг оказался слишком самонадеянным, рассчитывая за ко-

роткое время разыскать среди этой безликой, снующей в разные стороны людской массы одного, нужного нам человека. Которого, кстати, в лицо знал лишь он один, я же оставался безучастным свидетелем его настойчивых поисков.

Мы прочесали весь первый этаж, затем второй, потратив на это безрезультатное занятие около часа. Тщетно, нигде его не было видно. Затем поднялись на последний, третий. Здесь было более спокойно и, благодаря кондиционерам, не так душно, как внизу, да и людей поменьше. Так что нам не составило особого труда обследовать его от начала до конца, уложившись в четверть часа. Однако и здесь наши поиски не увенчались успехом. Пришлось вновь спуститься на первый этаж и начать все сначала.

Я уже было подумал, что нам никогда не удастся разыскать в этой разношерстной толпе нужного нам субъекта, когда внезапно Людвиг остановился и, больно сжав меня за локоть, взволнованно прошептал:

– Вот он, у киоска розничной торговли.

Вздвогнув от неожиданности, я посмотрел в ту сторону, куда мне взглядом указывал побледневший товарищ. Среди столпившихся у прилавка людей я сумел различить высокую, атлетическую фигуру одетого в униформу налогового полицейского. У него было приветливое, не тронутое загаром лицо, красиво уложенные, короткие светлые волосы и довольно обаятельная улыбка, обнажавшая белоснежные зубы. В настоящий момент он улыбался хорошенькой брют-

ке, одетой в плиссированную темную юбку и обтягивающую соблазнительную грудь красную блузку. Они о чем-то мило беседовали. Сердце у меня екнуло. Что ж, на ловца и зверь бежит. Но готовы ли сами ловцы-охотники, вот ведь в чем весь вопрос?

– Все, ему конец, – с ненавистью в голосе прошипел Людвиг.

Я заметил, что он весь напрягся, словно хищник перед прыжком, кулаки его были сжаты с такой силой, что побелели, а на скулах заиграли тугие желваки. Устремленный на врага взгляд излучал столь мощный заряд яростной ненависти, что, казалось, еще немного, и он испепелит на месте ничего не подозревающего офицера-оборотня.

– Спокойней, Людвиг, – дернул я его за рукав.

Он опомнился, кивнул головой и попытался расслабиться.

– Действуем по плану, – шепнул он мне, рукою нащупывая в кармане пиджака пистолет.

С безмятежным видом я отошел немного в сторону, не выпуская из виду «объект». Не прошло и несколько минут, как девушка, судя по их поведению, дала себя уговорить. Вдвоем они направились к выходу. Немного отстав, мы двинулись следом за ними, по-прежнему держась в некотором отдалении друг от друга.

Когда они сели в ярко-красную «пятерку» и вырулили со стоянки, мы с Людвигом, не медля ни секунды, запрыгнули в мой «Вольво» и поехали следом за ними, держась на прилич-

ном расстоянии. Все-таки он был «ментом», и поэтому нужно держаться настороже, чтобы остаться незамеченными.

Как и предполагал Людвиг, на полпути красные «Жигули» резко свернули в лес по еле заметной в траве дороге, которой, наверняка, редко кто пользовался. Ну, если только какие-нибудь грибники. Немного выждав, свернули за ними и мы, осторожно въехав в полумрак лесной чащобы. Проехав еще метров тридцать, я заглушил мотор. Не теряя времени даром, мы выскочили из машины и бегом направились вглубь леса.

Не прошло и минуты, как за очередным поворотом мы заметили темнеющую в просвете меж деревьями машину. Неожиданно раздался душераздирающий женский крик. Не помня себя, мы со всех ног кинулись к тому месту, откуда несчастная девица звала на помощь. Людвиг на ходу достал пистолет, я же еще крепче ухватился за ручку своего тесака. От волнения ладони мои вспотели, рубашка на спине взмокла, а в желудке появилось неприятное ощущение, как будто кто-то стянул его стенки острыми металлическими крючками.

Крик вновь повторился, где-то уже рядом. От этого вопля у меня прошел по коже ледяной озноб. Раздвинув кусты, мы выскочили на полянку – две запыхавшиеся гротескные фигуры в черных масках, с пистолетом и огромным ножом в руках. Девушка извивалась под ним, пыталась сопротивляться, но было заметно, что она быстро слабеет, теряя остаток

своих сил. Юбка ее полностью задралась, обнажив стройные, обтянутые светлыми колготками ноги и черные трусики. Насильник уже ухватился за них, намереваясь сорвать со своей жертвы, когда Людвиг в бешенстве заорал:

– Встать!!!

От неожиданности тот выпустил свою жертву из рук, чем она тут же воспользовалась и откатилась в сторону. После чего вскочила на ноги и бросилась бежать, но, не сделав и трех шагов, споткнулась и повалилась ничком в траву, где и осталась лежать, отчаянно визжа и рыдая. В это время маньяк выпрямился, с потрясенным видом обернулся к нам, но в глазах его уже читалась жгучая злость и неприкрытая угроза. Людвиг вскинул пистолет и выстрелил в упор. Взмахнув руками, враг упал на четвереньки и принялся отчаянно мотать головой.

– Почему он не вырубился?! – непонимающе вскричал Людвиг и вместо того, чтобы выстрелить еще, почему-то отбросил пистолет в сторону и кинулся на него с голыми руками.

Вот незадача, ветер отнес газовое облако в сторону и «мент» был лишь слегка одурманен, а не парализован, как следовало бы. Все это за одно мгновение пронеслось у меня в голове, и в следующую секунду я бросился на помощь Людвигу, который яростно молотил кулаками по голове своего врага.

Противник был на голову выше моего друга и в два ра-

за здоровее и шире его в плечах. Поэтому ему удалось при-
встать на одно колено и нанести Людвигу сокрушительный
удар в челюсть, от которого тот отлетел на несколько метров.
Но я уже подскочил к убийце и, взмахнув своим оружием, с
силой обрушился на его незащищенную шею. Удары следо-
вали один за другим. Я опомнился и остановился лишь в тот
момент, когда его голова отделилась от туловища и покати-
лась по забрызганной кровью траве. При виде этого жуткого
зрелища меня тут же вырвало. Из перерезанных вен фонта-
ном била кровь, несколько мгновений обезглавленное тело
еще подергивалось. Потом он начал исчезать, как исчезли,
прямо на моих глазах превратившись в пустоту, две первые
твари. Разумеется, исчезла и его кровь – наглядное свиде-
тельство произошедшей схватки.

Девушка скорчилась на земле неподалеку, продолжая во
весь голос реветь. Я подбежал к Людвигу, помог ему под-
няться. Он было кинулся к девушке, но я не без внутреннего
сопротивления увлек его за собой, на ходу пытаясь убедить,
что для любого свидетеля мы должны остаться неизвестны-
ми. Вскоре мы неслись по пустынному в этот час шоссе. Руль
плохо повиновался трясущимся рукам, но я заставил себя
сконцентрировать внимание на дороге. Не хватало еще не
справиться с управлением и не вписаться в очередной по-
ворот! И без того смерть подстерегала нас повсюду. Нечего
предоставлять ей лишний шанс.

6

После того, как подбросил Людвиг до дома, я отправился к себе, чувствуя, что нахожусь на пределе своих сил и возможностей. Наверное, никогда за всю жизнь я не был так измотан и подавлен случившимися со мной событиями. В особенности меня потряс последний случай. Убить человека, даже если это полуреальный фантом, было не таким уж простым делом – для обычного законопослушного гражданина. Я, знаете ли, привык сражаться с врагами лишь на страницах своих произведений. А сейчас мне вообще хотелось остаться одному и на время забыться.

Когда добрался, наконец, до своей «крепости», я первым делом проверил, надежно ли заперты все двери и окна, затем отправился в ванную комнату и принял душ. Поглядев в зеркало, я ужаснулся своему внешнему виду. Я был сейчас похож на пресловутый выжатый лимон. Хотя, впрочем, ничего удивительного в этом не было – мы ведь не на увеселительную прогулку ездили. Весь сегодняшний день я только тем и занимался, что выслеживал и убивал. Согласитесь, для обыкновенного, цивилизованного человека занятие не очень-то привычное и подходящее.

В этот вечер я не удержался и принял на ночь изрядную порцию коктейля из ликера и водки. Затем завалился спать, положив на журнальный столик рядом с кроватью кочергу и

тесак-мачете, сослужившие мне уже не раз добрую службу. Не успел я прилечь, как сразу же провалился в глубокий, тяжелый сон без сновидений.

Из бездонного, темного омута, в который мое уставшее сознание увлек повелитель снов Морфей, меня выдернул какой-то неприятный звук. Вероятно, он прозвучал достаточно громко, так как я тотчас же пробудился и сел в кровати, обливаясь холодным потом. Соскочив с постели, я крадучись подобрался к двери, ведущей из спальни в коридор. Она была заперта. Но ведь мне послышался именно щелчок дверного замка, как будто кто-то хотел проникнуть ко мне в спальню. Пожав плечами, я обернулся и едва не закричал от ужаса. Волосы у меня на голове встали дыбом, рот открылся в немом крике, но я сумел подавить этот рвущийся наружу, жуткий вопль насмерть перепуганного человека.

Освещенная проникающим в окно призрачным лунным светом в двух шагах от меня застыла фигура человекоподобного существа. В полной невыносимой жуте тишине было слышно лишь мое хриплое, учащенное дыхание. Мне удалось разглядеть, что существо имело тело человека и морду гиены. Матерь Божья, еще один урод из моих проклятых эпопей фэнтези!

Я принялся лихорадочно вспоминать, каким образом можно расправиться с этим кошмарным созданием. Кажется, оно было уязвимо для любого оружия. Но в том-то и беда, что в данный момент я был совершенно безоружен, а это

дителя ночи расположилось как раз между мной и моими спасительными орудиями убийства. Неожиданно чудовище рязинуло пасть в жутком оскале, обнажив устрашающего вида огромные клыки. Оно что-то зловеще проскрипело голосом, от которого меня мгновенно бросило в дрожь. Боже Праведный, этот монстр к тому же умеет разговаривать по-человечески! Хотя, какая разница, мне теперь конец! Сейчас он прыгнет и сомкнет свои страшные, усеянные клыками челюсти прямо на моей шее, на которой до сих пор покоилась дурацкая голова, напридумавшая на свою беду кошмарных НЕЛЮДЕЙ.

Я почти совсем обезумел от этих мыслей, приготовившись к своей страшной участи, когда неведомый голос внутри подал мне совершенно сумасшедшую мысль. Тем не менее, я решил воспользоваться подсказанным не иначе как моим ангелом-хранителем советом. Набрав полную грудь воздуха, я громко расхохотался.

– Да, пошел ты, – выругался я, – ты, поганый кусок дерьма! Запомни раз и навсегда – ты нереален! ТЫ НЕРЕАЛЕН!!!

И продолжая громким голосом твердить эти слова как заклинание, я двинулся прямо на него. В ту минуту я не осознавал, что делаю, ибо действовал словно в некоем тумане, который целиком и полностью накрыл мое сознание. Какая-то скрытая доселе часть моей личности управляла поступками, и мне ничего не оставалось, как слепо подчиняться.

ся ее воле (вот она – работа ПОДСОЗНАНИЯ!).

Как во сне я прошел прямо сквозь чудовище, не почувствовав и намека на осязаемую плоть. Ощущение было такое, словно проходишь сквозь зыбкую, колышущуюся дымку. Очутившись возле столика, я очнулся от транса, и, не в силах поверить в случившееся, круто развернулся и ткнул кулаком в темную, тоже повернувшуюся ко мне лицом фигуру, не ожидая встретить никакого препятствия. Но рука моя уперлась в реальную и вполне осязаемую плоть.

Как такое могло произойти, я не знал. Не знаю это и теперь. Точнее – не могу объяснить. Тогда же я об этом не думал, в следующую секунду сработал инстинкт, унаследованный от множества поколений далеких предков. Рука метнулась к столику, к спасительному оружию и наткнулась на кочергу. Замахнувшись, я обрушил увесистую железяку на голову врага, но не тут-то было. Монстр отбил удар, причем с такой силой, что выбил кочергу из моих рук. Отлетев в сторону, она со звоном ударилась о стену.

Сомкнув свои огромные ручищи на моей шее, он притянул меня к себе. Раскрылась пасть, на меня пахнуло зловонием. Не помня самого себя от ужаса и отвращения, я в каком-то забытии нашарил правой рукой покоящийся на столике тесак и в следующее мгновение всадил его по самую рукоять в брюхо монстру. Отчаянно взыв, он выпустил меня из своих цепких объятий. Не раздумывая, я нанес еще один удар, вонзив лезвие ему меж ребер, прямо под сердце. Об-

ливаясь кровью, он зашатался. Я размахнулся и изо всех сил обрушил на него сверху тесак. Удар пришелся прямо промеж горящих алым пламенем глаз, развалив его морду почти пополам.

Далее все продолжалось по уже известному сценарию – рухнув навзничь, он задергался в предсмертных конвульсиях, а затем исчез. Подождав, пока это произойдет, я выронил оружие из рук, после чего, вконец обессилевший, доплелся до разобранной постели и ничком повалился на нее, не в состоянии пошевелить даже пальцем. Остаток ночи во сне меня преследовали кошмары – один хлеще другого.

Следующий день как назло выдался дождливым и пасмурным. Без единого просвета небо было затянуто темными тучами. На душе тоже было противно и мерзко. Не успел я окончательно проснуться и принять ванну, как сразу же зазвонил телефон.

– Привет, Иван, ты как там, в порядке? – это был Людвиг.

– Да, – немного помедлив, ответил я, – без проблем.

Рассказывать по телефону о ночном кошмаре мне сейчас совсем не хотелось. Сделаю это как-нибудь потом, при встрече, решил я.

– Ну, ладно, если что – звони, – он дал отбой.

Я положил трубку на место и задумался. Будущее представлялось неясным и туманным, наполненным угрожающими тенями неизвестно каких существ. В довершение всему отсутствовал старик Аполлинарий. С помощью его параси-

хических способностей, возможно, удалось бы установить точное количество проникших сюда персонажей, а быть может и их описание. А так, ты словно в неведомой стране, окруженный невидимыми и неизвестными врагами. Дерьмо, вот что это такое – одно огромное, нескончаемое дерьмо. И мир, и люди, и я сам со своими проблемами. Сама жизнь и бытие – они похожи на копошащийся муравейник, на безостановочную деятельность, лишенную всякого смысла и высших мотивов.

Я понимал, что ввиду своего прескверного настроения впустую изливаю горькую желчь на самого себя, но уже не мог остановиться. Долго еще я просидел так, размышляя о тщете бытия, о нелепости человеческого разума, кляня судьбу и существующее на свете зло. Наконец, разум мой устал от нескончаемого потока проклятий, обвинений и самобичевания, и, махнув на все это рукой (все равно кругом БЕЗНАДЕЖНОСТЬ), я отправился готовить себе завтрак.

К полудню дождь прекратился, тучи рассеялись, но солнце так и не появилось, скрытое облаками. Решив, что пребывать в одиночестве у себя дома и предаваться угрюмым мыслям – далеко не лучшее для молодого мужчины занятие, я вывел машину из гаража и отправился в город.

Вначале я посетил все книжные магазины и лавки, подыскивая для себя интересные новинки. Мне действительно удалось приобрести несколько заинтересовавших меня книг. Затем я пообедал в ресторане и посетил самый престижный

в городе кинотеатр, купив билеты на два фильма подряд. Оба они оказались боевиками, из тех, что нормальным людям уже давным-давно набили оскомину. Тем не менее, мне удалось хоть как-то убить время.

Когда я вышел из кинозала, над городом уже сгустились сумерки. Опять накрапывал дождик, и на востоке темное небо озаряли всполохи, предвещавшие очередной ливень, а то и настоящую грозу. Поредевшие к этому часу прохожие ощетинились разноцветными зонтиками. Черт ее знает, что за погода!

Я завел машину и не спеша покатыл домой, стараясь ни о чем не думать. Вспоминать о бесцельно проведенном дне не хотелось. По натуре я человек деятельный и активный, поэтому терпеть не могу впустую тратить свое время. Но, что еще прикажете делать в сложившейся ситуации? Взять тесак и бегать по городу, обшаривая все темные места и уголки, где могли бы притаиться выпущенные на волю твари? Или может заявить в милицию или в частное сыскное агентство и попросить себе охрану на основании страхов быть сожранным своими собственными персонажами? Заниматься же чем-то еще отвлеченным в ТАКОЕ время я не мог.

Уже подъезжая к дому, я вдруг вспомнил о Людвиге и решил навестить его.

Свою машину я оставил на улице, припарковав ее у обочины. Пусть уж мой поздний визит, который я внезапно решил нанести своему другу, до последнего момента будет для него полной неожиданностью. Толкнув незапертую калитку, я по бетонной дорожке направился к парадному входу.

Подойдя к крыльцу, я заметил, что входная дверь была слегка приоткрыта. Странно, неужели Людвиг настолько беспечен, что не удосужился проверить на ночь, надежно ли закрыты все замки? Мне это очень даже не понравилось. Дом был погружен в темноту, за исключением окна спальни, в которой горел свет. Еще раз окинув беглым взглядом особняк, я толкнул дверь и, переступив порог, очутился в прихожей, погруженной во мрак.

Только интуиция, некое шестое чувство спасло мне жизнь, подсказав о смертельной угрозе, неотвратимо надвигающейся на меня со скоростью мчащегося локомотива. Едва я успел резко отклониться в сторону, как мимо моего лица тускло блеснуло лезвие ножа и с силой вонзилось в деревянную панель. Не успев еще толком испугаться, я шархнулся в темноту холла и, налетев на что-то твердое, больно ударившее мое правое колено, с грохотом повалился на пол.

На фоне дверного проема я сумел разглядеть чей-то бесформенный силуэт. Человек в темноте яростно пыхтел, ста-

раясь выдернуть из косяка воткнувшийся в него нож. Я вско-чил на ноги и, отпрянув назад, локтями уперся в поверхность стены. Неожиданно моя рука наткнулась на какую-то выпук-лость, раздался щелчок, и прихожая осветилась ярким све-том. На мгновение я зажмурился, а когда глаза привыкли к свету, с изумлением уставился на своего врага. Передо мной стоял Людвиг, вцепившийся в рукоятку застрявшего в дре-весине большущего кухонного ножа.

– Ты что, спятил?! – заорал я на него.

Вытаращив на меня глаза, Людвиг застыл на месте, блед-ный как полотно.

– Боже, Ваня, это ты?!

– Нет, не я – домовой! – я все еще кипел от злости и ис-пуга, бросая на него гневные взгляды.

Однако было заметно, что мой друг потрясен не меньше моего.

– Ты чуть было не отправил меня на тот свет, – уже более спокойным тоном проворчал я и, не в силах более лицезреть эту картину, невежливо отпихнул Людвига в сторону, выдер-нул нож и захлопнул дверь. После чего, демонстративно не замечая своего приятеля, прошествовал мимо него в гости-ную, где налил себе коньяка, чтобы успокоить взвинченные нервы. Залпом проглотив бодрящий напиток, я еще раз на-полнил рюмку до краев. Чего доброго, так и спиться можно со всеми этими вонючими переживаниями!

В это время в комнате появился Людвиг. По его виду было

заметно, что он все никак не может прийти в себя от перенесенного только что потрясения. Наполнив еще одну рюмку, я протянул и ему:

– Пей.

Машинально проглотив спиртное, он слегка поморщился и кашлянул. Тем не менее, алкоголь возымел свое действие – Людвиг «отпустило».

– Ну так рассказывай, что все это значит? – с некоторой язвительностью обратился я к нему. Думается, у меня имелось достаточно оснований укорять моего друга сколько угодно. Но мне хотелось лишь услышать от него хоть какое-то вразумительное разъяснение: какого черта он пытался меня убить?.. Ибо неясностей в нашем деле хватало с лихвой.

Сбивчивым тоном он принялся объяснять, почему так глупо и нелепо получилось, что он чуть было не уколошил меня. А сделать это он мог запросто, достаточно было лишь вспомнить, на какую глубину вонзилось лезвие в косяк. Оказывается, Людвиг вознамерился сам расправиться со вторым преступником – речь шла о маньяке-потрошителе – устроив на него засаду. Мой друг был уверен, что Потрошитель все время находится где-то поблизости, прячась и выжидая удобного момента, чтобы нанести смертельный удар своему создателю. Как уже можно было догадаться, меня он принял за своего супостата. И только по счастливой случайности (а СЛУЧАЙНОСТЬ ли это?!) я сейчас не отправился в далекое

путешествие в мир духов, а сидел напротив него, потягивая дорогой коньяк и подумывая о том, как все-таки прекрасна жизнь.

Неожиданно Людвиг резко привстал со своего места, указывая в мою сторону дрожащей рукой. Во взгляде его сквозило неприкрытое удивление вкупе с нарастающей тревогой.

– Иван, да ты только посмотри на себя, у тебя же все виски седые!

Не говоря ни слова, я подошел к зеркалу, чтобы убедиться в истинности его слов.

– Вчера седины у тебя не было и в помине, – взволнованным тоном обратился он ко мне, – неужели это из-за моей дурацкой выходки?!

Я поспешил успокоить его. Пришлось рассказать о моей ночной схватке с чудищем.

– Час от часу не легче, – с натугой выдохнул Людвиг.

– Ну вот, – я усмехнулся, – три очка против одного в мою пользу и равный счет у тебя.

– Что?.. – Он непонимающе уставился на меня.

– Я говорю, что моих ублюдков уничтожено трое, а у тебя пока что только один из двоих.

– Точно, – он согласно закивал головой, – но кто знает, сколько их еще бродит поблизости. Если бы старый кудесник был сейчас в городе...

– А ну, к черту! – я с досадой махнул рукой. – Возможно, ему и не удалось бы нам помочь.

– Глупости! Ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что старик Аполлинарий – самый настоящий ФЕНОМЕН! – с горячностью в голосе воскликнул Людвиг. – К тому же, другие специалисты подобного уровня мне неизвестны. По крайней мере, в нашей стране.

Возразить на это мне было нечего, поэтому я счел лучшим просто промолчать. На какое-то время возникла пауза, во время которой каждый из нас задумался о своем. В голове у меня вертелись посторонние, не относящиеся к делу мысли. Я думал о том, что мне уже тридцать, что я устал от случайных знакомств и непродолжительных связей, что среди моих подружек нет ни одной по-настоящему любящей и преданной мне женщины, и что пора, пожалуй, обзаводиться семьей.

Брак, семейная жизнь – когда-то эти слова вызывали у меня одно лишь отвращение, но, как ни странно, именно теперь я начал постигать их подлинный смысл, а сами они стали казаться для меня почти что желанными. Наверное, я просто устал от всех этих передрыг и этого БЕЗУМИЯ, что окружало нас последние дни. А, может быть, я старею? Возможно, истинная причина кроется как раз в том, что НАСТАЛ СРОК, и пришло время выполнять свой долг отцовства. Но, правду сказать, в наши дни многие пары не особенно и стремятся заводить детей. И объясняют это по-разному. Однако если отбросить в сторону всевозможную чепуху и посмотреть вглубь проблемы, то выходит, что главная причина –

страх. И этот скрытый в глубине души страх порождает неизбежный вопрос: а стоит ли вообще рожать детей? Каково будет их будущее, да и будет ли оно вообще, это будущее? Ведь не секрет, что сегодня рождается очень много уродов и мутантов, или просто слабых, болезненных индивидуумов. А наше поколение – не успели прожить и половины отпущенного природой срока, а уже все напичканы всевозможными болезнями и отклонениями от нормы. Едва ли найдется сейчас полностью здоровый человек, даже если поискать по всему земному шару. Вот уж действительно, кто самое дурное существо на Земле, так это – человек.

Неожиданно ход моих мыслей был прерван громким восклицанием Людвига:

– Проклятье, и доколе все это будет продолжаться?! Неужели мы, создатели, слабее и беззащитнее своих собственных порождений?! Без нас их бы и не было вовсе, этих тварей!

– А что ты хочешь, – откликнулся я на его взволнованный монолог, – создатели тоже не всемогущи. Ты посмотри, эту грандиозную Вселенную устроил Создатель, но и Он не всемогущ. Ибо столько всего неправильного происходит в мире. Так, почему бы Ему ни вмешаться и ни исправить существующее положение дел? Но Он не вмешивается. Отсюда вывод – либо Творец является злобным садистом, либо Он слаб и ограничен в своих возможностях.

– Ваня... – покачал головой Людвиг, – Ваня, ты кощун-

ствуешь.

– Не более чем остальные люди, – отмахнулся я, – которые вечно лицемерят перед самими собой и перед своими собратьями. Я повторяю: или Бог есть само зло, или Он – слабое начало, но в таком случае Он не Бог.

– Но ведь есть еще третье объяснение, – живо возразил Людвиг, – можно допустить, что все проявленное бытие – лишь игра, задуманная Творцом, а мы все – его актеры. В связи с этим мне вспоминается Свами Вивекананда: «Мир это театр, в котором мы играем свои роли, и Бог все время играет с нами». Поэтому и роли бывают разными, так же как и декорации – хорошими и плохими, добрыми и злыми, совершенными и убогими.

– Не очень-то вразумительное объяснение, – я пожал плечами, – но все же намного лучше, чем первые два. Так или иначе, но давай играть свои роли до конца. В данный момент мы вынуждены защищаться (по СЦЕНАРИЮ?!), а поэтому имеем полное право на причинение зла.

– Что верно, то верно, – с задумчивым видом согласился Людвиг.

После этого мы еще с полчаса обсуждали наши проблемы, просчитывая любые возможности того, как нам изловить Потрошителя и какие предпринять меры по защите от других вероятных врагов.

Была уже глубокая ночь, когда я попрощался со своим другом и отправился к себе домой. На этот раз обошлось без

приключений. Никто не пытался напасть на меня в темноте, и я смог преспокойно заснуть, забыв на время обо всех злоключениях. Знал бы я тогда о том, ЧТО ожидает меня впереди, какие страшные удары и потрясения выпадут на мою долю, так не то, что спать, спокойно жить бы не смог. Но, наверное, оно и к лучшему, что я не ясновидец. В противном случае я бы не выдержал предстоящих испытаний, заранее зная о них. Не выдержал и что-нибудь над собою учинил бы или тронулся рассудком. А так, я все еще жив и здоров и сижу сейчас за письменным столом с седой, как снег, головой и старательно вывожу эти строки.

Хотя ночь протекла относительно спокойно и благополучно, тем не менее, наутро я поднялся с тяжелой головой – сказывалось вчерашнее потрясение. Что ж, мне ведь уже не двадцать и даже не двадцать пять, когда я мог всю ночь напролет пить не переставая, кувыркаться с девицами и вопить во все горло, а на следующий день чувствовать лишь небольшую слабость и легкое недомогание, а то и вообще бегать бодреньким без каких-либо для себя последствий ночной попойки. Да, три десятка прожитых лет дают о себе знать, тем более такой бурной жизни, какова была у меня.

Встав с постели, я открыл настежь окно, чтобы впустить утреннюю прохладу. Немедленно в спальню вместе с ветерком и солнечными лучами влетели звуки музыки. Это была легендарная группа «Иглз» со своим хитом «Отель “Калифорния”». Кто-то громко, на всю улицу включил проигрыватель. На какое-то время я предался блаженству воспоминаний.

Господи, какой же я был молодой и глупый, полный мечтаний и неосуществимых амбиций. Что и говорить, в детстве все мы были неисправимыми максималистами. В это время «Орлов» сменил старый добрый Крис Норман, поющий про полуночную леди, а я отправился под душ.

Стоя под обтекающими тело струями теплой воды, я мур-

лыкал себе под нос песенку Нормана. Интересно, а как там Людвиг? Придумал что-нибудь насчет своего Потрошителя? Подумав об этом, я моментально помрачнел, настроение сразу же испортилось.

Позавтракав безо всякого аппетита, я набрал домашний номер своего друга. Никто не отвечал. Выждав некоторое время, я позвонил еще раз, дал десяток гудков и повесил трубку. Безрезультатно! Позвонил ему на мобильник, но тот, как обычно, был отключен. Людвиг имел привычку забрасывать свой сотовый куда попало, забывал заряжать его и во время класть на счет деньги.

Черт, где же он может быть?! Неужели с утра пораньше решил прокатиться куда-нибудь? Но ведь мы договаривались накануне, что сегодня в первую половину дня нанесем очередной визит старику Аполлинарию, чтобы проверить, не вернулся ли старый волхв?

Расстроенный я закурил и устроился в кресле напротив включенного телевизора, совершенно не воспринимая происходящее на экране. Сознание рисовало мрачные картины. Я представлял себе Людвига лежащим в луже собственной крови с перерезанным горлом и выколотыми глазами. Я попытался отогнать эти мысли прочь, но ничего не получалось, возбужденное воображение лихорадочно выстраивало яркие видения – одно ужаснее другого. Наконец, я не выдержал и снова принялся набирать его номер. Надо ли говорить, что результат был тем же самым.

В сердцах бросив трубку, я взглянул на свои руки – они дрожали. Боже мой, я становлюсь похожим на какую-то истеричную бабу. Чуть что не так и сразу же бросаюсь в панику. Так нельзя, приятель, нет-нет, так совсем нельзя. Все время на нервах, да еще поддержки ждать неоткуда. Самого себя можно таким образом взвинтить до предела и деморализовать, а то и вовсе угробить.

С твердым намерением впредь больше не поддаваться панике, я завел машину и отправился к Людвигу. Но чем ближе я приближался к дому моего друга, тем все сильнее мною овладевало недоброе предчувствие чего-то ужасного и неотвратимого. Я ничего не мог с этим поделать, растеряв остатки своей воли и самообладания.

Когда я вылез из машины, то почувствовал, что весь взмок от охватившего меня волнения. Несмотря на все доводы рассудка, я беспокоился за судьбу своего друга. И хотя машина его оказалась на месте, в гараже, тревога никак не покидала меня. С тяжелым сердцем я надавил кнопку звонка. За входной дверью царила глубокая тишина. Позвонив несколько раз, я нетерпеливо толкнул дверь – она была заперта.

Людвиг не любил ходить пешком, предпочитая автодорожную нервотрепку и возможность покалечиться или вообще отправиться на тот свет из-за невнимательности какого-нибудь придурка. Но он мог и оставить машину, решившись на пешую прогулку в пределах своего района. И все-таки мое безошибочное чутье подсказывало мне, что сего-

дня он еще не выходил из дома. Неужели опять обкурился и теперь блаженствует в наркотическом дурмане?

Обойдя дом сзади, я резко остановился, увидев нечто такое, отчего у меня похолодело в груди. Дверь черного хода была распахнута настежь. Кто же мог это сделать и зачем?! Волна липкого страха окатила меня с головы до ног, руки опять противно затряслись. Судорожно глотнув, я с отчаянной решимостью двинулся внутрь темного коридора, чувствуя предательскую дрожь в коленях.

Я обошел весь первый этаж, заглядывая во все помещения, и вскоре убедился, что кругом пусто. В столовой и на кухне все было прибрано со вчерашнего вечера, значит, Людвиг еще не успел позавтракать. Я уже начал подниматься наверх, когда краем глаза заметил промелькнувшую в холле тень. От испуга я чуть было не грохнулся в обморок.

– Эй! – хотел во весь голос крикнуть я, но получился лишь хриплый возглас, наподобие петушиного кукареканья.

Быстро сбежав вниз, я в растерянности остановился, никого не обнаружив. Неужели почудилось? Принимая во внимание мои растрепанные нервы, такое вполне могло случиться. Выругавшись вполголоса, я облегченно вздохнул и вновь взялся за перила лестницы.

Ковровая дорожка приглушала звук шагов, в полной тишине я поднялся на второй этаж, где надеялся найти похрапывающего в своей спальне Людвига. То, что я увидел на площадке второго этажа, на всю жизнь врезалось в мою па-

мья КОШМАРНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ, равно как и представшее моему взору кровавое зрелище в спальне. Из-под двери, ведущей в спальную комнату хозяина, просачивался ручеек темно-красной жидкости. Это была кровь, ибо спутать ее с чем-либо другим было просто невозможно, тем более в такие минуты напряженного ожидания страшной развязки.

Как во сне я прошествовал к двери, аккуратно переступил кровавый ручеек и, действуя словно автомат, отворил ее и вошел внутрь комнаты. В следующий момент я потерял сознание, мешком повалившись на залитый кровью пол.

Сколько я пролежал в беспомощности – этого я сказать не могу, так как часов в тот момент на мне не оказалось. Очнувшись, я поднялся на ноги, бросив всего один, мимолетный взгляд в сторону кресла, затем резко отвернулся и, шатаясь, словно пьяный, выбрался из спальни в коридор, где меня тут же стошнило. После чего я оперся рукой о стену, заметив, что весь перепачкан в крови.

Казалось, что сердце сейчас выпрыгнет из грудной клетки, в висках стучало, а перед глазами все плыло. Сознание упорно возвращалось к увиденной в спальне картине мерзкого убийства. Голова Людвиг покоеилась на спинке кресла, словно он откинулся назад в надежде отдохнуть (да, мой друг теперь действительно ОТДЫХАЛ вечным отдыхом!). Лицо его не было тронут, но вот что касается туловища и конечностей... Руки и ноги были аккуратно отрезаны и расчлене-

ны. Обрубки кистей и предплечий лежали на подлокотниках кресла, рядом с ними – плечи. Ступни стояли на полу, голени прислонены к нижней стенке кресла, а бедра покоились на сиденье. Там же находилось и тело, разрезанное и выпотрошенное с анатомической точностью, словно здесь действовал заправский мясник.

Меня опять вывернуло наизнанку. Еле передвигая ватными ногами, я спустился в холл и, набрав непослушными пальцами номер, вызвал милицию. Затем крепко зажмурился. Немедленно перед глазами возникли забрызганные кровью стены спальни.

«Такие красивые дорогостоящие обои, – внезапно вспомнилось мне, – Людвиг покупал их за доллары и еще...»

...и еще ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ!

Я застонал, словно раненый зверь. Послышался пронзительный, надсадный вой милицейских сирен. Быстро же они отреагировали. Хотя, может быть, это я потерял реальный счет времени.

Далее все происходило по заведенному в таких случаях регламенту. Кругом сновали разные люди – в форме и в штатском, с саквояжами и без. Затем прошествовали двое мужчин с носилками и Людвиг – вернее то, что от него осталось – унесли. Все это время я механически отвечал на вопросы следователей. Внутренне же я был совершенно опустошен.

В тот момент, когда мимо нас пронесли накрытые матери-

ей останки моего растерзанного друга, я на какой-то миг отключился от всех внешних впечатлений, уйдя куда-то внутрь своего «я», ничего не слыша и не замечая вокруг. Затем я очнулся и, вскочив на ноги, вне себя от гнева принялся кричать во весь голос, потрясая в воздухе кулаками. Я бранился с ненавистью на устах, обещая лично покарать злодея. Я бушевал до тех пор, пока один из следователей, его фамилия была – Теодорский, не взял меня под руку и отвел в сторонку.

– Господин Шахов, пожалуйста, успокойтесь, – с убеждением обратился он ко мне, – я думаю, будет лучше, если вы сейчас отправитесь к себе домой.

– Да, – я неуверенно покачал головой, – да, наверное.

– Я отвезу вас. Где вы живете?

Я назвал ему адрес, передал ключи от своей машины, а сам устроился рядом, откинувшись на спинку сиденья. Впервые за всю мою жизнь мне стало плохо с сердцем. Где-то в домашней аптечке должны быть сердечные капли, нужно будет воспользоваться ими.

Пока ехали, мы оба молчали. В боковом зеркале заднего обзора я заметил следовавшую за нами патрульную машину с отключенной «мигалкой». Остановившись возле усадьбы и вернув ключи, следователь предупредил, что заедет ко мне, как только освободится, чтобы «подробнее расспросить о моем погибшем товарище». Я молча кивнул и, не оборачиваясь, направился к дому, спиной ощущая цепкий взгляд

Теодорского, провожавший меня до самого крыльца. Затем машина развернулась и уехала.

Войдя в дом, я направился в ванную комнату. Минут десять я простоял на одном месте, невидящим взором уставившись в белизну огромной ванны. Затем встрепенулся, представив улыбающееся лицо моего бедного друга.

– Людвиг... – прошептал я, до боли сжав кулаки, затем обречено завыл, – Лю-ю-у-дви-и-иг! – и, не в силах более сдерживаться, разрыдался, уткнувшись лицом в дрожащие ладони. Слезы несли облегчение, но не могли избавить от боли утраты. Сколько раз уже было сказано об этом и все же я повторю снова: как же все-таки не ценим мы людей при их жизни и как скорбим и раскаиваемся, когда они покидают нас навсегда.

– Таким образом, если следовать вашей версии, получается, что господина Зиммербаума убил ЕГО СОБСТВЕННЫЙ ПЕРСОНАЖ, так? – с невозмутимым видом подытожил мой рассказ следователь.

Когда он навел на меня вечером того же дня, я решил поведать ему без утайки обо всех произошедших за последние несколько дней со мной и Людвигом роковых событиях. Наверное, со стороны это выглядело полнейшей ахинеей, бредом свихнувшегося сознания. Однако Теодорский, если и пришел к такому выводу, то внешне никак не выказывал своего недоверия. Наоборот, он со всей серьезностью внимательно выслушав мою фантастическую на первый взгляд историю.

– Это не версия и не догадки, а реальные факты, – я нетерпеливо пожал плечами, – конечно, я понимаю, что все рассказанное мною только что, звучит нелепо и неправдоподобно, и все-таки вы должны, ОБЯЗАНЫ поверить мне, потому что...

Я умолк на полуслове, внезапно осознав, что этот сорокалетний служитель законности в общем-то ничем мне не обязан и вполне может сомневаться – а в своем ли уме находится перепуганный и потрясенный смертью друга писатель, рассказывающий небылицы о том, как из ниоткуда прибы-

ли неземные монстры с целью покарать двух взбесившихся с жиру писак, которые...

(...один из которых уже МЕРТВ, а второй определенно тронулся рассудком!)

– Пока что я не могу вот так голословно принять на веру ваши соображения, – спокойно ответил он и добавил, – Впрочем, отвергать их я тоже пока не имею право.

С этими словами он поднялся и, мягко ступая, направился к окну. Я машинально проследил за ним – рост около метра восьмидесяти, крепкое телосложение, резко очерченные черты лица. Всем своим внешним видом он выражал уверенность и надежность. И еще в нем чувствовалась некая жизненная сила, словно перед вами находился не цивилизованный сотрудник уголовного розыска, а древний варвар, сильный, хитрый и живучий как дикая кошка. Вот с каким человеком свела меня судьба при весьма трагических обстоятельствах.

Он резко обернулся и одарил меня хмурым взглядом, продолжая почти неслышно расхаживать по гостиной, затем подал голос:

– По данным предварительной экспертизы удалось установить личность убийцы... – он выдержал паузу, после чего продолжил, – и вот тут-то как раз и кроется нечто такое, что не поддается рациональному объяснению.

Бесшумно обогнув журнальный столик, он уселся на свое прежнее место.

– Вам что-нибудь известно о деле так называемого «кавказского потрошителя»? – неожиданно задал он вопрос.

– Н-нет, ничего, – я неуверенно покачал головой, – во всяком случае, я не помню.

– Это было много лет тому назад, и финал этой истории довольно широко освещался в прессе. На протяжении почти десяти лет маньяк-убийца совершал одни и те же преступления – изощренные убийства с элементами садизма и... в общем, он потрошил и расчленял свои жертвы. Сам он был не с Кавказа, нет. Он являлся жителем одного из крупных административных центров на Украине, и его фамилия была Коган. А прозвище такое ему дали вездесущие журналисты из-за того, что всегда на месте совершения преступления он выводил кровью своих жертв надпись «Кавказ» – на стенах, на полу, даже на земле – где угодно. Как выяснилось потом в ходе судебного разбирательства, ублюдок мечтал отправиться на Кавказ, где ни разу не был. Это у него был такой сдвиг по фазе, навязчивое желание. А в остальном он, в общем-то, являлся вполне нормальным.

Он на мгновение смолк, а потом продолжил:

– В течение десяти лет не могли изловить этого подонка, но когда, наконец, удалось поймать его прямо на месте совершения очередного зверства, торжеству моих коллег не было предела. Местные жители близлежащих населенных пунктов и города, где он жил, чуть было не взяли штурмом здание суда, пока над ним шел процесс. И, наверное, они так

бы и сделали, в праведном гневе растерзав его, но без излишних проволочек Коган был приговорен к смертной казни. Подумать только – на его кровавом счету было шестьдесят пять жертв! Одним словом, его расстреляли перед тем, как был установлен мораторий на смертную казнь.

Он на время задумался, затем вскинул голову и как-то странно посмотрел на меня в упор своими темно-кариими глазами из-под упрямо изогнутых, кустистых бровей.

– С тех пор прошло четыре года, – он говорил тихо, словно боясь быть подслушанным кем-то посторонним, – и вот он объявился вновь...

– Вашего друга, Людвиг Зимербаума убил и выпотрошил этот негодяй, который уже четыре года, как должен находиться в ином мире. Сходство мы обнаружили буквально во всем – почерк, мотивы совершения преступления. Но, самое главное – данные дактилоскопии. Обнаруженные по всему дому отпечатки пальцев полностью соответствуют когановским. Никаких сомнений в этом быть не может.

– Я не могу в это поверить, – продолжил он после небольшой паузы, – но получается, что «кавказский потрошитель» воскрес из мертвых и присоединил к своему длинному списку жертв еще одну фамилию – вашего друга. Конечно, это абсурд, но...

Он молча развел руками и вопросительно посмотрел на меня. Затем снова заговорил, смущенно потирая висок:

– Нечто подобное я уже где-то встречал – в книге, или в

фильме...

– Да, я понимаю, о чем вы говорите. Можно привести в качестве примера роман Уильяма Блэтти «Легион», в котором дух погибшего преступника вселяется в живых людей и опять продолжает совершать изощренные убийства руками одержимых им пациентов психиатрической клиники. Схожие сюжеты существуют и в некоторых голливудских фильмах...

– Но у нас, здесь, случай совершенно иного рода, – продолжил я после небольшой паузы, во время которой обдумывал свой ответ, – мы имеем дело не с душами убийц, а с живыми убийцами и монстрами, с воплощенными в реальность и облаченными в материальную оболочку образами литературного творчества, проникшими сюда с другого уровня бытия.

Немного помолчав, я добавил:

– Хотя, конечно, я и сам не могу пока понять, при чем тут этот Коган и все эти сходства. Может быть... впрочем, это нужно будет проверить. Послушайте, а ведь над изголовьем кресла на стене тоже шла кровавая надпись «Кавказ».

Тяжело поднявшись с места, я отправился на кухню за пивом. Когда я вернулся с несколькими запотевшими банками, Теодорский курил возле окна, задумчивым взором осматривая шелестящий в сумерках сад.

– У вас тут настоящий райский уголок, прямо идиллия какая-то, – усмехнулся он, кивнув вниз.

У него была странная манера улыбаться, словно он хотел подчеркнуть всем своим видом: «Не смотрите на то, что я расплываюсь в улыбке и соглашаюсь с вами, на самом-то деле я парень себе на уме». Возможно, так оно и было в действительности, во всяком случае, судя по его внешности и поведению, создавалось впечатление, что он и впрямь далеко не промах.

– Точно, – поспешно согласился я и водрузил упаковку с пивом на стол, – я часто люблю возиться в саду, знаете ли, это очень благотворно воздействует на психику и еще стимулирует мое творческое воображение. Берите пиво.

– Интересно, – отхлебнув, он откинулся в кресле, – значит вот здесь, ухаживая за цветочками, вы придумываете своих монстров?

Немного смутившись, я уже начал оправдываться, но тут же понял, что со стороны это выглядит смешно и нелепо, поэтому лишь мрачно кивнул:

– Здесь, будь они неладны.

В полном молчании мы потягивали пиво, затем я обратился к своему гостю, вспомнив об одном, не дававшем мне покоя вопросе:

– Послушайте, господин Теодорский...

– Вы можете обращаться ко мне по имени – Николай, – неожиданно перебил он меня, – так будет проще.

– Хорошо, Николай, – я улыбнулся, – в таком случае и я для вас просто Иван.

– Договорились. Так о чем вы там хотели узнать?

– О сводке тяжких преступлений за последнюю неделю.

Не было ли...

– Я понимаю, о чем идет речь, – опять перебил он меня, – но ничего подобного по городу не происходило уже в течение целого месяца. Один придурок из охотничьего ружья под пьяную лавочку пристрелил свою жену, тоже порядочную забулдыгу. Двое молодых балбесов изнасиловали четырнадцатилетнюю девчонку, но они уже сидят в следственном изоляторе и ждут возмездия за свои грехи. Еще один кретин грабил квартиры пенсионеров, помогая тем при этом отправиться на тот свет – так его пару дней назад взяли с личным. И все – никаких вам загадочных зверских убийств, тяжелых увечий или изощренных надругательств. Вот только ваш друг Зимербаум...

Теодорский смолк и потянулся за очередной сигаретой. На какое-то время в комнате повисла тишина, прерываемая лишь поскрипыванием кресла под плотным телом следователя. Пока он молча курил, сосредоточенно наблюдая за тлеющим кончиком сигареты, я усиленно соображал, пытаюсь предугадать варианты дальнейших действий Потрошителя. Каков будет его следующий ход, и кто окажется пешкой-жертвой в его смертельной игре?

– Знаете, – подал я голос, – мне кажется, что очередной удар этот мерзавец нанесет мне.

Теодорский удивленно хмыкнул:

– И на чем же основывается ваша уверенность?

– Не могу сказать точно, – я пожал плечами, – наверное, потому, что я был единственно близким другом Людвига, и вообще, как я уже говорил, эти твари нападают, прежде всего, на своих создателей.

– А как же тот парень из налоговой полиции, насилующий девушек? Кстати, подобных заявлений к нам не поступало.

– Тот персонаж был исключением из правил. Мы ему были не нужны. Объектами его нападений являлись симпатичные молодые женщины. Что же касается Потрошителя, то... Ну, я не знаю, как это объяснить, но я твердо убежден в том, что теперь после гибели Людвига он захочет разделаться со мной.

– Можете назвать это предчувствием, – спустя мгновение, добавил я.

Вероятно, я его все-таки не убедил в правильности моих предположений. Во всяком случае, он ничего не сказал по этому поводу вслух.

– Ну, мне пора, – спохватившись, он бросил взгляд на часы, – в отличие от вас мне завтра рано утром вставать, а потом весь день торчать на этой треклятой работе.

Уже выйдя за порог, он обернулся и негромко произнес:

– В любом случае вы должны поостеречься, пока мы его не поймаем.

Вскинув голову, я встретился с его твердым взглядом и

взволнованно промолвил:

– Мы обязаны его найти, Николай, вы и я, потому что это наше общее с вами дело. Мое – в виду известных вам причин, а ваше – постольку, поскольку это дело ведете вы, и поэтому ваша обязанность – найти его и помочь мне уничтожить. Это не человек, это – пришелец из иных миров, злобный монстр.

Выслушав меня, он молча кивнул – я так и не понял, согласен он со мной или нет – и, распрощавшись, удалился. Я запер за ним дверь и, чувствуя накатывающую на меня пустоту, отправился к себе в спальню, чтобы поскорее заснуть и на время забыться.

Весь следующий день я провел в хлопотах. Нужно было помочь юристам разобраться относительно наследства моего покойного друга. Оказалось, что у него имелась-таки одна-единственная родственница, к которой после смерти Людвига переходило все его состояние, включая усадьбу и прочую недвижимость.

Кроме того, я встретился с Теодорским, с которым снова имел долгую и обстоятельную беседу. По моей просьбе он через своих сотрудников в два счета выправил мне лицензию на ношение оружия газового действия. От него я выходил уже с кобурой под мышкой и с приятным чувством некоторой защищенности от непредвиденных опасностей.

Домой я возвращался уже затемно. Несмотря на сильную усталость от постоянного пребывания в напряжении, я старался все время быть начеку, ведь этот чертов ублюдок мог поджидать меня где-нибудь поблизости, затаившись в укромном месте или устроив засаду прямо у меня в доме. Я поставил машину в гараж и я направился к дому, держа оружие наготове. Все мои чувства были обострены, поэтому, когда из темноты возник неясный силуэт, я мгновенно отреагировал и, отпрыгнув в сторону, прицелился в зловещую тень.

– Господин Шахов? – донесся до меня из темноты неуве-

ренный женский голос. В тоне незнакомки чувствовалась изрядная доля страха.

У меня отлегло от сердца – Господи, это была женщина! Она выступила из тени на освещенную лунным светом дорожку, в испуге уставилась на поблескивающий в полумраке ствол пистолета.

– Вы напугали меня, – хриплым голосом вымолвил я, шагнув в ее сторону, – кто вы и что здесь делаете?

– Я... извините, но может быть нам лучше войти в дом?

Подозрительно прищурившись, я окинул ее настороженным взглядом, но в неверном свете луны неясные очертания ее фигуры и лица мало о чем могли мне поведать.

– Хорошо, – кивнул я в ответ, – пойдете.

В конце концов, опасаться не было причин, ведь я намного крупнее ее, к тому же моя правая рука в тот момент сжимала заряженный пистолет – пусть и газовый.

В доме при ясном свете я смог, наконец, как следует разглядеть ее. И был приятно поражен – точеная фигурка, стройные ножки, прелестное личико. Легкий загар гармонично контрастировал с восхитительными, серо-голубыми глазами и светлыми локонами. Взволнованность моя усилилась, когда я узнал, что она та самая, фигурировавшая в документах о наследстве родственница Людвига, ее звали – Лада.

– Когда мне сообщили о смерти моего брата... – с этими словами она достала из сумочки платок и, отвернувшись,

вытерла набежавшие слезы, после чего, приведя себя в порядок, продолжила, – ...я сразу же выехала в ваш город, но, попав по нужному адресу, убедилась, что дом заперт. Я не знала, куда деваться и уже хотела обратиться в полицию, но тут вспомнила о вас. Как-то в письме Людвиг упоминал о вас, как о своем лучшем друге, человеке, который ему очень близок и дорог. Ну и, кроме того, я видела вас вместе в какой-то передаче по телевизору. Одним словом, узнав в адресном бюро адрес, я отправилась к вам и... вот я здесь.

– Долго вам пришлось ждать?

– Часа четыре, не больше.

Я неодобрительно покачал головой. Четыре часа торчать в моем саду, в то время как где-то рядом возможно бродит этот маньяк с ножом, острым как лезвие бритвы.

– Вы отчаянная девушка, Лада, – пробормотал я вслух.

– Почему? – она удивленно округлила глаза.

– Наверное, потому, что вы ни о чем не подозреваете, – я выдавил улыбку и, неожиданно для самого себя, добавил, – блаженны не ведающие.

На ее лице было написано недоумение, но я, настойчиво избегая ее вопросительного взгляда, ловко переменял тему и поинтересовался насчет ужина.

– О, я ужасно голодна! – слегка смутившись, воскликнула моя гостья.

«Ага, к тому же из нас двоих проголодалась не только ты одна», – подумалось мне. Лада благосклонно предложила

свою помощь в приготовлении трапезы. Вполне естественно, что я не отказался.

За ужином мы поддерживали непринужденную беседу, во время которой я предложил своей новой знакомой некоторое время, пока будут улажены все формальности по передаче наследства, пожить у меня.

– Вы так добры ко мне, Иван! – взволнованно воскликнула она, сложив перед собой руки в жесте, напоминающем молитвенный, – но мне как-то неловко пользоваться вашим доверием...

– Глупости, – перебил я ее, – будет ничуть не лучше, если вы поселитесь в гостинице. К тому же цены сейчас, ой-ой какие.

Одним словом, мне не пришлось долго ее уговаривать. Самому же мне было приятно от того, что родственница Людвига, тем более такая симпатичная, остановилась у меня.

Покончив с трапезой, мы поднялись наверх, где я предложил Ладе расположиться в моей спальне, а сам устроился в комнате напротив, рядом с гостиной. Я поступил так потому, что ведущая в спальню дверь, единственная из всех, запиралась на засов, а на окно не далее как вчера я на всякий случай поставил металлическую решетку. Пусть уж моя ни о чем не догадывающаяся гостья будет в большей безопасности. О себе я уже не так беспокоился, наверное привык к постоянному ожиданию новых нападений. К тому же к моим милым друзьям – кочерге и тесаку – присоединился теперь

еще и газовый пистолет. Не хватало только базуки и противопехотных мин.

Ночью, во сне ко мне явился Людвиг, весь окровавленный, но счастливый оттого, что успел как раз вовремя на нашу с Ладой свадебную церемонию, которая почему-то проходила в районном управлении внутренних дел. Обеспокоенный Теодорский вежливо, но настойчиво уговаривал Людвига смыть с себя кровь, но тот отнекивался, утверждая, что еще успеет это сделать.

Проснувшись наутро, я четко во всех деталях вспомнил свой странный сон. Немного поразмыслив, я пришел к выводу, что, во-первых, вероятно, с того света ко мне взывает мой друг, требуя отмыть его кровь мстью и расправой над убийцей, и что, во-вторых, я с первого взгляда очарован его сестрой (НЕУЖЕЛИ ВЛЮБИЛСЯ?!), но вот к лучшему это или нет – этого я пока сказать не мог. Как говорится: поживем-увидим.

Позавтракав, мы отправились в город, так как на сегодня были назначены похороны Людвига. Как ни странно, но процессия растянулась на сотню с лишним метров – народу было достаточно. Помимо наших общих знакомых из мира литературного и кинобизнеса, отдать последнюю дань моему другу собрались многочисленные поклонники его творчества. Мы с Ладой шли сразу за гробом, и я с тревогой поглядывал на свою спутницу. Взгляд ее как будто остекленел, она словно ничего не замечала вокруг себя. И лишь когда

гроб опустили в могилу, и вниз упала первая горсть рыхлой земли, она не выдержала и громко разрыдалась, уткнувшись в мое плечо.

Обняв всхлипывающую девушку за плечи и нежно глядя ее волосы, я как мог, старался успокоить ее. Вскоре она взяла себя в руки, с благодарностью посмотрела на меня. Боже, какая же она все-таки милая и чудесная! Ее слегка припухшее от слез лицо показалось мне в этот момент еще прекрасней. Продолжая шептать ей слова утешения, я незаметно окинул взглядом толпу, заметил неподалеку от нас Николая Теодорского. Он сочувственно кивнул мне.

Когда все закончилось, мы поспешили на стоянку автомобилей, где я припарковал свой «Вольво». За кладбищенской оградой нас поджидал следователь, облаченный в свой неизменный шерстяной джемпер. И как ему в нем только не жарко? Поздоровавшись, я представил их с Ладой друг другу.

– Примите мои соболезнования, – просто, но с участием в голосе обратился он к моей спутнице, затем повернулся ко мне, – если появится что-то новое, Иван, сразу же сообщите мне. Сегодняшней ночью я буду дежурить у себя в управлении.

– Хорошо, Николай, – я тепло, по-дружески пожал ему руку.

Вторую половину дня мы с Ладой посвятили улаживанию дел в нотариальной конторе, услугами которой пользовался Людвиг. Все формальности и бумажная волокита заняли

около двух часов, после чего мы возвратились ко мне домой. Физически я чувствовал себя превосходно, чего нельзя было сказать о моем эмоциональном состоянии. Подавленной и усталой выглядела и моя новая знакомая.

После душа мы устроились в гостиной с прохладительными напитками в руках. Некоторое время оба молчали, затем я первый подал голос:

– А знаете, Лада, ваш брат никогда не упоминал о том, что у него есть родственники.

– Да, это совсем невеселая история, – она окинула меня быстрым взглядом, – но если хотите, я вам ее расскажу.

Я утвердительно кивнул головой, пояснив, что для меня будет интересным узнать все, что относится к Людвигу.

Она принялась рассказывать, поначалу с неохотой, по мере изложения все более воодушевляясь и вскоре уже оживленно жестикулировала, с увлечением описывая события из жизни не только Людвигу, но и своей. Я узнал, что мать Людвигу была родной сестрой отца Лады, и что, таким образом, моя гостыя приходилась ему двоюродной сестрой. Их семьи были очень дружны, даже жили неподалеку друг от друга. Лада и Людвиг были единственными детьми в семьях и поэтому относились друг к другу как родные брат и сестра. Детство, вспоминала девушка, проходило у них, в общем, довольно безоблачно, пока не случилась БЕДА, изменившая судьбы обоих.

Когда Людвигу исполнилось четырнадцать лет (Лада была

на четыре года младше его), их родители, выехавшие на дачу вчетвером в машине отца Людвиг (автомобиль отца Лады был неисправен, поэтому детей с собой не взяли), трагически погибли в автокатастрофе. Осиротевших детей взяли под свою опеку престарелые родители матери Людвиг и отца Лады.

– Людвиг и раньше не испытывал привязанности к своим бабушке с дедушкой, – Лада пожала плечами, – рос мальчишкой своенравным и упрямым, больше всего ценил свою личную свободу и независимость. Бабуля его тоже невзлюбила, а дед относился нейтрально. Зато во мне они души не чаяли. Три года Людвиг кое-как терпел совместное с ними проживание, затем, окончив школу, уехал, чтобы уже больше не вернуться никогда. Он приехал в этот город, устроился на работу и поступил на вечернее отделение филологического...

– Я знаю, – перебил я ее, – во время учебы в университете я с ним и познакомился.

– Ну вот, в общем-то, и все. За прошедшие десять лет он прислал мне около десятка писем – по одному в год. Дед умер спустя месяц после того, как первый роман Людвиг принес ему успех. Честно признаться, та книга была первой и последней из всех его произведений, которую я прочла и сразу же прониклась отвращением к жанру, в котором он писал свои мрачные вещи. Впрочем, когда он сообщил мне о вас, я купила одну из ваших книг и... вы уж простите за от-

кровенность, но впечатление у меня сложилось точно такое же. Не знаю, может быть у вас есть и другие произведения, более интересные, чем вся эта чушь о призраках, вампирах и монстрах, но я, во всяком случае, до сих пор таких книг не встречала. И дело не только в вас одних, я терпеть не могу и других авторов этого жанра черной мистики и ужасов. Все эти триллеры вызывают у меня головную боль.

Не удержавшись, я громко расхохотался:

– Вы попали в самую точку, Лада. Нет, я серьезно. Дело в том, что своими романами я и сам себе неприятен. Да-да, не смотрите на меня такими удивленными глазами. Это действительно так.

На мгновение я задумался, затем, продолжая улыбаться, промолвил:

– Но раз уж вы меня раскритиковали, и я, таким образом, являюсь пострадавшей стороной, то сегодняшний ужин готовите вы.

– С превеликим удовольствием, – она очаровательно улыбнулась.

– Значит, теперь кроме бабушки у вас из родных никого не осталось? – обратился я к Ладе после того, как горячо поблагодарил ее за превосходно приготовленный ужин.

– Бабушку я похоронила год назад. И теперь после смерти Людвиг я действительно осталась совсем одна. Родственников по линии матери я не знаю, мы никогда не поддерживали отношений.

– Послушайте, Иван, – через мгновение встрепенулась она, – вы обещали рассказать мне об обстоятельствах гибели моего брата. Как это случилось, известно ли что-нибудь об убийце?

Я внимательно, без тени улыбки посмотрел на нее, затем отвел взгляд. Я ждал этого момента – когда она задаст самый главный вопрос. Ждал и боялся, стараясь оттянуть его, но рано или поздно он должен был наступить. И как бы мне не хотелось, я должен был объяснить Ладе истинное положение дел, погрузив ее в мир жутких ужасов и смертельной опасности. Это было неизбежно, и либо она станет подобно мне, пугающемуся любого шороха, либо решит, что я немного не в себе после смерти друга.

Однако когда я закончил свою невероятно-кошмарную исповедь, она сразу же поверила всему. И она не принялась хвататься за голову и навзрыд причитать, хотя вид у нее был

достаточно испуганный. Нет, у нее возникла самая нормальная реакция выдержанного понятливого человека. Человека, которому можно выложить все, что затаено у тебя на душе, и он **ПОЙМЕТ И РАЗДЕЛИТ** твою ношу, подчас очень даже нелегкую. И за это я был благодарен ей вдвойне.

Закончив свое повествование, я извинился и закурил.

– Но ведь это чудовищно – Людвига убил его собственный персонаж! – взволнованно воскликнула Лада. – Кошмар какой-то!

«Что ж, я вполне согласен с тобой, дорогая», – подумалось мне. Это действительно был трансцендентный кошмар, какой мне не доводилось встречать даже в фантастической литературе. Но этот кошмар был подлинной реальностью.

– Бедный Людвиг, – прошептала она, на ресницы у нее навернулись слезы. Вскинув голову, она посмотрела на меня, – Иван, у вас остались какие-нибудь фотографии моего брата?

– Да, конечно, у меня их несколько и... – я запнулся, вспомнив об одной, – вы знаете, у меня есть одна фотография, на ней Людвиг такой красивый, у него очень одухотворенное лицо! Одним словом, я сейчас найду ее, и вы сами во всем убедитесь.

С этими словами я отправился в рабочий кабинет, где у меня в шкафу вместе с книгами, справочниками и рукописями хранились фотографии. Я просмотрел их все до одной – толстенную пачку и еще целый альбом, но той, что была мне нужна, так и не нашел. Куда же она могла запропасться-

ся? Я принялся рыться в письменном столе, выдвигая один за другим ящики, пока, наконец, ни отыскал ее в глубине одного из них, среди прочих нужных мне и совершенно бесполезных предметов. Достав фотокарточку, я уже начал задвигать ящик обратно, когда взгляд мой упал на небольшую связку ключей. Черт побери, это же были запасные ключи от дома Людвиг! И как это я про них забыл?! Мой друг передал их мне на хранение, естественно они затерялись среди прочего хлама, и вот теперь я совершенно случайно обнаружил их. Прихватив ключи вместе с карточкой, я вернулся в гостиную.

– Вот, – я протянул снимок Ладе.

– Боже! – тихо воскликнула она, разглядывая фото, – вы оказались совершенно правы, Иван. Здесь он похож... на святого.

– Можно, – вскинулась она, – я оставлю этот снимок у себя?

– Ну, конечно. Он ваш.

Она посмотрела на меня долгим и, как мне показалось, полным признательности взглядом, затем поднялась и, одарив улыбкой, поцеловала. В щеку, разумеется, пока только в щеку.

– А знаешь, – обратился я к своей гостье, – думаю, что нам пора уже перейти на «ты». Как ты на это смотришь?

– Согласна, – она расцвела в улыбке, и теперь уже я не удержался и подарил ей ответный поцелуй, попав намерен-

но в шею под самую мочку изящного ушка. Щеки ее порозовели, но я отвернулся и отошел в сторону. Неожиданно в голову мне пришла интересная мысль.

– Лада, у меня к тебе просьба. Дело в том, что я должен сейчас побывать в одном месте и проверить кое-какие свои догадки, поэтому вынужден оставить тебя на время. Тебе не страшно будет остаться одной?

– Конечно, нет, – она беспечно пожала плечами, но я заметил, с какой неуверенностью она проделала этот жест.

– Все будет нормально, – я ободряюще улыбнулся, – думаю, что надолго не задержусь. Входную дверь я запру на оба замка и к тому же оставлю тебе оружие... – и, заметив в ее глазах беспокойство, добавил, – так, на всякий случай.

Я отдал ей свой газовый пистолет, наскоро объяснив, как им пользоваться. Не теряя времени даром, я накинул на себя пиджак и спустился вниз. Уже стоя в прихожей, я обернулся и с напускной веселостью подмигнул девушке. Она ответила мне взволнованным взглядом.

– Надеюсь, что на этот раз все будет в полном порядке, – промолвил я и в следующую секунду шагнул за дверь.

Какое-то время спустя я выруливал на небольшую, ярко освещенную электрическими фонарями улицу, на которой располагался особняк Людвига. После обнаружения ключей я решил проверить одно не дающее мне покоя предположение. А для этого мне просто было необходимо тщательно покопаться в личном архиве моего покойного друга, кото-

рый он, как мне было известно, аккуратно вел на протяжении всей своей творческой деятельности. Надеюсь, он простит мне незаконное вторжение в его бывшую частную собственность. На земной же закон мне было наплевать. Слава Богу, существуют Законы повыше.

Эх, Людвиг, Людвиг! Как тебе сейчас там живется, на том свете? И можно ли вообще называть посмертное существование жизнью? Но одно я знаю наверняка и, как говорится, на том стою – смерть не есть уничтожение личности, а лишь переход на иной план бытия, к иному способу существования.

Проникнув внутрь дома, я сразу же направился на второй этаж – туда, где располагался рабочий кабинет. Было немного жутковато – а вдруг да Потрошитель притаился где-нибудь в темном доме? Оружия при мне не было никакого, потому мои страхи и опасения в тот момент были вполне оправданы. Однако никто не собирался нападать на меня с устрашающей физиономией, и я благополучно добрался до цели своего ночного визита. Покосившись на запертую спальню, ТУ СПАЛЬНЮ, я отвернулся и толкнул дверь кабинета.

Свой архив Людвиг хранил в нижних полках книжного шкафа. На каждое произведение у него была заведена отдельная папка. Отыскав нужную, я уселся за письменный стол и погрузился в чтение, доставая из папки один за другим материалы, относящиеся к роману Людвиг о Потроши-

теле. Я так увлекся этим занятием, сосредоточившись только на нем одном, что не заметил, как быстро прошло время, и стрелки часов перевалили за полночь. Лишь закончив просмотр бумаг, я взглянул на часы и ахнул. Лада, наверное, уже вся извелась. Пора было возвращаться домой, уже почти два часа как девушка пребывает в полном одиночестве.

Но душа моя теперь могла быть довольной. Мне удалось выяснить все то, что оставалось до сих пор загадкой, и итог моих полночных бдений подтвердил гипотезу, возникшую у меня вначале как неясное предположение во время нашего первого серьезного разговора с Теодорским.

Неожиданно царящую в доме тишину, прерываемую лишь шуршанием бумаг в моих руках да поскрипыванием кресла, нарушил какой-то посторонний звук. «Что это? – пронеслось у меня в голове, – неужели в доме есть еще КТО-ТО?!» Звук, хотя и приглушенный расстоянием и прикрытой дверью, был похож на слабый щелчок дверной защелки.

Я замер в кресле и, затаив дыхание, сидел ни живой и ни мертвый, чутко вслушиваясь в вязкую тишину. Вновь послышался какой-то шорох – вне всяких сомнений это был звук шагов. Некто, осторожно ступая, поднимался вверх (КО МНЕ! СЮДА!!!). Половицы жутко поскрипывали, шаги приблизились и затихли возле моей двери. Какое-то время я слышал лишь свое прерывистое дыхание, словно тот, кто стоял за дверью, застыл в зловещем ожидании (ЧЕГО?!). Казалось, сердце сейчас выскочит из груди, потной рукой я

вцепился в подлокотник кресла и всем телом повернулся в сторону входа. Еще немного и я бы не выдержал и закричал.

Дверь медленно (совсем как в фильмах ужасов), со скрипом отворилась, но в темноте дверного проема я никак не мог разглядеть силуэт человека (или НЕЧЕЛОВЕКА?!).

– Не ожидал увидеть вас здесь, в такое неподходящее для встреч время, – раздался спокойный голос следователя.

Совершенно обессиленный, я откинулся в кресле, сердце продолжало бешено колотиться.

– Я что, напугал вас? – подойдя поближе и рассмотрев мое лицо при свете настольной лампы, удивленно поинтересовался он. – Вы бледны как полотно.

– Черт бы вас побрал, Николай, – хрипло вымолвил я, – так ведь и зайкой сделать можно! Вы бы хоть предупреждали о своих неожиданных полночных визитах.

– Виноват, – несколько смущенно ответил он мне, – впредь постараюсь больше вас не пугать. Я заметил в окне свет, наткнулся на вашу машину, но все же не был уверен – вы это или кто-то другой. Ради чего вы притащились сюда ночью вместо того, чтобы спокойно спать?

– Я объясню, но сначала я бы хотел узнать, зачем ВЫ пришли сюда?

– А, – он махнул рукой, – вы не поверите, но у меня неожиданно возникла мысль о том, что, возможно, этот придурок околачивается где-нибудь поблизости, возле дома.

– И таким образом...

– И таким образом я застал здесь вас.

– Да я чуть в штаны не наделал со страху. Я ведь тоже подумал, что это он. Оружие я не взял, оставил дома.

– И что же вы надеялись найти здесь в столь поздний час?

Я кивнул головой, с довольным видом усмехнулся:

– Что ж, я действительно кое-что обнаружил. Я нашел ответ на ваш вопрос.

– А именно?..

– Каким образом причастен к совершенному преступлению отдавший концы несколько лет тому назад «кавказский потрошитель» Коган, – выпалил я на одном дыхании.

– Вот как?!

– Дело в том, – принялся я с жаром излагать установленные мною факты, – что этот роман Людвиг написал, опираясь на фактический материал. Естественно, что большинство сюжетов – вымысел автора, но вот основной, отрицательный персонаж имел свой реальный жизненный прототип. Догадываетесь, о ком идет речь?

– Коган, – прошептал пораженный Теодорский, – подумать только!

– Именно, сведения о нем и его деле побудили Людвига к созданию этого произведения в духе готических детективов. Коган был воплощен в образе Потрошителя Рубена в людвиговском «Взгляде изнутри». Название книги отражает своеобразие авторского стиля. Повествование ведется от имени самого злодея, как бы из его сознания, изнутри темной души

принявшего человеческий облик демона. Вообще, надо сказать, роман в целом оставляет мрачное, гнетущее впечатление после его прочтения.

Теодорский в задумчивости потер подбородок:

– Таким образом, получается, что ваша фантастическая гипотеза получила неожиданное и полное подтверждение?

Слушая его рассуждения, я вспомнил слова Людвига.

– Это не гипотеза, – я твердо посмотрел ему в глаза, – это факты. Неужели вы настолько слепы и закоснелы, чтобы отрицать очевидное?!

Теодорский коротко кивнул, несколько не смутившись и не отведя взгляда.

– Согласен. Хотя с точки зрения здравого смысла все это выглядит довольно-таки абсурдно и нелепо.

– С точки зрения здравого смысла, – язвительно парировал я, – нелепым выглядит все мироздание – от бессмысленности зарождения Вселенной и до глупой жадности представителей рода человеческого! Нельзя все измерять одними только устоявшимися категориями привычного мышления. Ум – ограничитель информации, интуиция же – дверь, ведущая в просторы космического сознания, сверхсознания.

– Хорошо, хорошо, – Теодорский поднял руки вверх, – сдаюсь. Вы меня убедили.

Он посмотрел на часы:

– Сейчас уже слишком поздно. Мне нужно возвращаться в управление. Давайте, встретимся завтра и обговорим все

подробнее.

Я не возражал.

– В три часа пополудни, у вас дома, идет?

Когда я вернулся и вошел в дом, свет горел только в гостиной. На диване, свернувшись калачиком, спала Лада. Телевизор был включен, но звук убран, и на экране в полном безмолвии разворачивалось действие очередного ночного триллера. Сплошная мистика и секс – очередная голливудская дребедень. Шел уже третий час нового дня, и на дворе стояла глубокая ночь.

Пистолет в одиночестве покоился на столе. «Беспечность, – пронеслось у меня в голове, – непростительная беспечность».

– Лада, – тихо позвал я ее, легонько тронув за плечо.

Встрепенувшись, она открыла глаза и непонимающе уставилась на меня.

– Кажется, я заснула, – пробормотала она сонным голосом.

– И потеряла бдительность, – кивнул я в ответ.

– Я... ну, извини.

– Да я тут ни при чем, – я пожал плечами, – речь идет о твоей безопасности, так что вини самую себя.

Она легко соскочила с дивана, юбка при этом взметнулась вверх, открыв моему взору загорелые ноги. «Какие ножки!» – не преминул отметить я про себя, восхищенным взглядом обозревая ее прелести. Разумеется, от нее это не укрылось.

Кокетливо улыбаясь, она оправила юбку – к моему сожалению.

– Ну, как твои дела? – как ни в чем не бывало, спросила она.

– Отлично. Мне удалось кое-что выяснить, хотя совсем недавно я чуть не умер со страха.

И, заметив ее вскинувшиеся от удивления брови, добавил:

– Завтра все расскажу – тебе и еще одному человеку. А сейчас пора баиньки.

Несколько минут спустя мы разошлись по своим спальням. Мне показалось, что, пожелав мне спокойной ночи, она с каким-то выжиданием посмотрела на меня. Все же я проигнорировал этот взгляд, что бы он ни означал, и отправился к себе. В таком деле спешка может лишь навредить. Нет-нет, спешить сейчас ни в коем случае было нельзя. Я чувствовал, что нужный момент еще не наступил. И все же всю ночь я проворочался, не в состоянии заснуть, думая лишь о ней одной. Я влюбился, отчаянно влюбился в нее, словно мне было не тридцать, а каких-нибудь пятнадцать, ну, или двадцать лет. Что ж, для любви любой возраст – не помеха. Это уж однозначно.

На следующий день Теодорский появился у меня, как и обещал – ровно в три часа, предварительно позвонив по телефону из дома (этот день был у него выходным). Я еще раз пересказал им с Ладой то, что мне удалось установить накануне.

– Таким образом, – подытожил я, – на свободе разгуливает опасный маньяк-убийца, точная копия «кавказского потрошителя». А сам Коган находится там, где ему и надлежит быть – в аду. Чтобы изловить «нашего» ублюдка, необходимо досконально изучить все его повадки. Поэтому я посоветую вам, Николай, еще раз проштудировать все обстоятельства того четырехгодичной давности дела, а также прочесть роман Людвига «Взгляд изнутри». Сам я этот роман за последнее время изучил от корки до корки. Думаю, что нам это поможет. И еще, – я посмотрел на Теодорского, – если нам удастся его обнаружить, то мы должны, **ОБЯЗАНЫ** будем его уничтожить на месте, убить, вы понимаете?

– Мы сделаем все, что будет в наших силах, – произнес он после небольшой паузы.

Поговорив еще с полчаса, мы расстались. На прощанье я всучил ему книжку Людвига. Повертев ее в руках, он ухмыльнулся: «Вообще-то я не люблю читать фантастику и мистику, но раз уж вы настаиваете».

Он ушел, а я остался стоять в прихожей, задумавшись над его словами. Я писал с детства, но лишь в двадцать пять с лишним лет началась моя карьера профессионального беллетриста. Пять лет я работал в этом жанре мистической фантастики и никогда не задумывался, а что значат для людей мои произведения? Мы с Людвигом были известны и богаты, и все это – и славу, и достаток – принесло нам наше творчество. Но существовало немалое количество людей (а я подо-

зревал, что таких читателей большинство, хотя и не желал себе в этом признаться), которые были невысокого мнения о жанрах «фэнтези», литературы «ужасов» и криминальных романов. И, пожалуй, они по-своему правы, ведь по существу вся эта литература – лишь развлекательное, бульварное чтиво. Да, возражал я себе, но и в мистической беллетристике можно выразить величайшие дерзания духа и ума, глубокое проникновение в суть вещей и психику человека, поставить важнейшие проблемы современности и описать вечные темы – жизнь и смерть, человек и природа, добро и зло, ненависть и сострадание, любовь, Бог, красота и убогость. Примером этому служат лучшие произведения мировых знаменитостей, не говоря уже о классиках – отечественных и зарубежных.

Из состояния задумчивости меня вывел голос Лады:

– Что будем делать дальше, Ваня?

Какое-то время я продолжал стоять, глядя на нее с отсутствующим видом, затем улыбнулся:

– Собирайся, сейчас мы поедem проведать одного очень милого старичка.

Я имел в виду деда Аполлинария. Возможно, он уже вернулся из своей таинственной поездки, и на данный момент я нуждался в нем как ни в ком другом. По дороге я поделился с Ладой теми сведениями, какими располагал о старом оккультисте сам.

– Ты полагаешь, что он сумеет нам помочь? – взволнован-

но обратилась она ко мне, когда мы поднимались к старику Аполлинарию на пятый этаж.

– Надеюсь на это, – я тяжело вздохнул.

Не успел я надавить на кнопку звонка, как дверь распахнулась, и моему взору предстало приветливо улыбающееся лицо хозяина. При виде его у меня отлегло от сердца – это был дед-кудесник. Мне показалось, что он ждал нашего визита – такой у него был вид. Впрочем, удивляться было нечему, я уже давно привык к необъяснимым странностям его поведения. Ясновидец – он и есть ясновидец.

Хозяин провел нас в гостиную, где все уже было приготовлено для чаепития.

– Какая удача, что вы, наконец, вернулись, – промолвил я, прихлебывая его целебный травяной чай.

– Я приехал вчера поздно вечером, а утром узнал о горе... Ваш друг являлся чрезвычайно интересной личностью. Да, весьма неординарной. Вы ведь его родственница? – неожиданно обратился он к моей спутнице.

– Да, сестра. А как вы... – начала было она, но старик прервал ее на полуслове, взмахнув рукой.

– Я много чего могу, но сейчас важно не это, ведь так, Иван? – он испытующе посмотрел на меня.

– Верно, – кивнул я в ответ, – мы пришли к вам за помощью. И если не вы, то нам уже никто не поможет.

Не спеша, со всеми подробностями, в присутствии Лады я поведал ему обо всех произошедших событиях – начиная с

того памятного вечера у приятеля на даче и кончая вчерашним днем. Старик Аполлинарий внимательно слушал, уставившись в одну точку и поглаживая свою седую бороду. Он не проронил ни слова, ни разу не перебил меня, ни единым жестом не выдал своих чувств во время моего рассказа. Когда я закончил свое горестное повествование, он остался сидеть в той же позе, продолжая ритмично поглаживать бороду. В ожидании я принялся украдкой рассматривать его внешность. Бог его знает, сколько ему было лет. Возможно, уже за сто перевалило, а может, еще и семидесяти не было. Во всяком случае, он выглядел молодцом.

– Ладно, – наконец подал он голос, – значит, Людвиг полагал, что причина появления иносущностей – в вашем неосторожном поведении во время пребывания в культовом пещерном храме?

– Да-да. И мне бы очень хотелось рассчитывать на вас и ваши способности. Очень важно установить количество персонажей-монстров. Это существенно прояснит обстановку.

– Лишь на месте совершения действия можно установить, сколько сущностей проникло сюда из Зазеркалья, – пояснил он нам.

Эта фраза вызвала в памяти ассоциацию с моим романом «По ту сторону зеркала», единственным из всех мною написанных в жанре мистической беллетристики, лишенным элементов «чернухи», ужасов и дурацких страхов. Серьезный роман, наполненный глубочайшим философским смыс-

лом истолкования бытия, повествующий о ближайших перспективах развития человечества. Парадоксальный факт, но именно этот роман имел наименьший коммерческий успех, в связи с чем, мне очень хотелось воскликнуть на весь мир: «О времена, о нравы!» Люди предпочитали низкопробную халтуру с неправдоподобным сюжетом, нашпигованную кошмарами, сексом и насилием. Адские трэшаки!.. Ну, что ж – ТАКИЕ читатели достойны ТАКИХ книг. Точнее – ремесленных поделок. Истинный художник никогда не пишет на толпу.

«А ты, – неожиданно спросил меня мой внутренний голос, – ты – истинный художник? Тоже ведь работал в соответствии с рыночной конъюнктурой!»

«А что я еще мог поделаться?! – оправдываясь, отвечал я самому себе. – Жить-то ведь как-то надо. Да иначе и не пробьешься».

– Если вы согласны, то мы можем отправиться в любой момент, – произнес я вслух.

– Превосходно. В таком случае закажите билеты на завтрашний рейс. Дело не терпит отлагательства, поэтому нужно поторопиться.

Нам ничего не оставалось более, как только поблагодарить хозяина и откланяться.

Когда вернулись к себе, я первым делом созвонился с Теодорским и сообщил ему о результатах своего визита к старому оккультисту. Следователь поразился моим успе-

хам и выразил желание отправиться вместе с нами. Теодорским двигало любопытство, ему никогда не доводилось ранее участвовать, как он сам выразился, в ритуале «камлания». Затем я позвонил в авиакассы и заказал три билета на завтрашний утренний рейс. От предложения лететь с нами Лада отказалась наотрез.

После легкого полдника я отправился в город, потратив остаток дня на улаживание своих неотложных дел. Я созвонился с Теодорским и предупредил, что заеду за ним рано утром. Затем нанес краткий визит старику Аполлинарию, обговорив с ним кое-какие нюансы предстоящего дела. Когда со всеми хлопотами было покончено, я вернулся домой, где меня ждала Лада и подогретый ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.